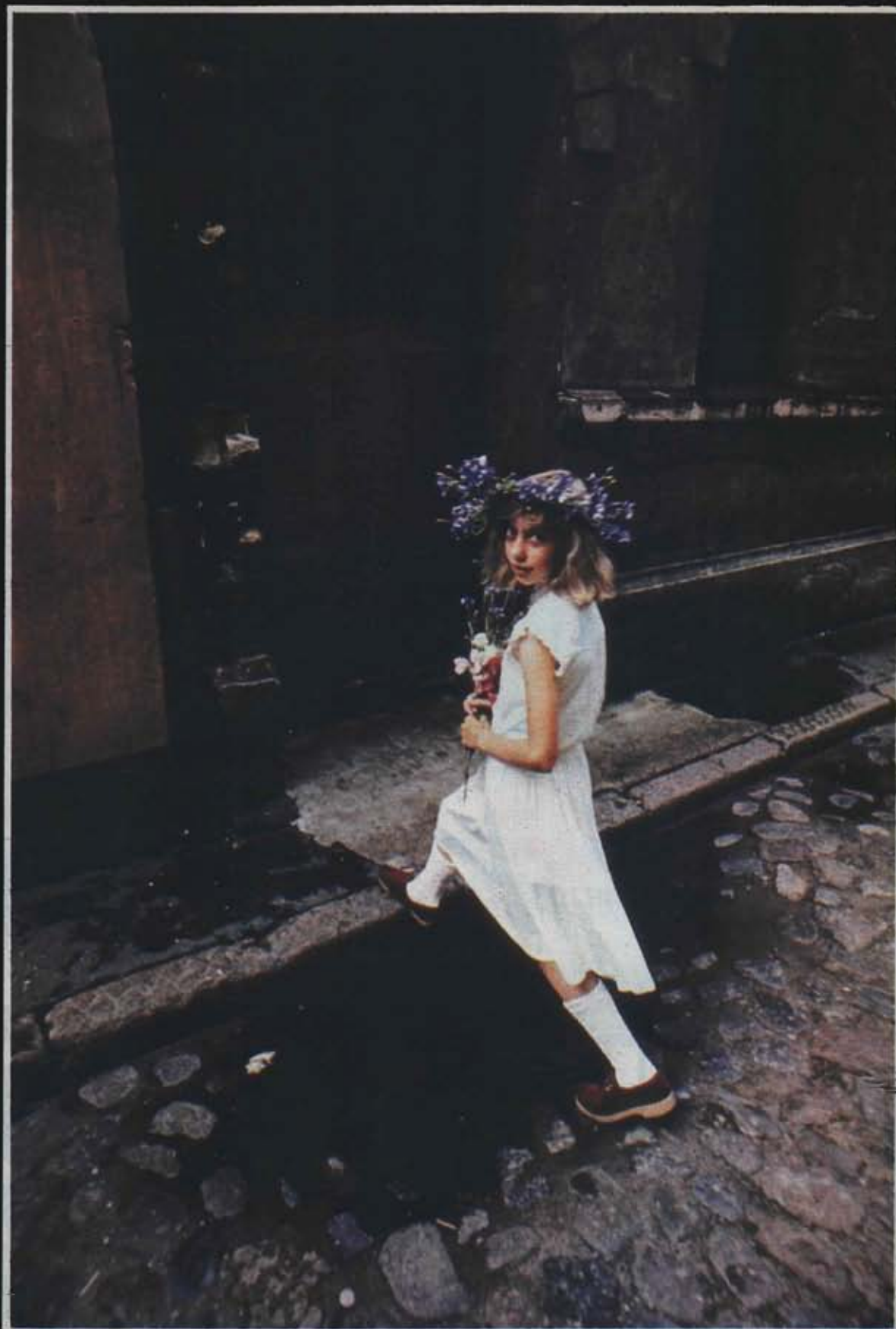

СПОНТАН

22

ISSN 0131-6656

Фотозритель Владимир Оглоблина

Стодневная война. Экскурс в историю
Ноль один: без медных труб

Рассказ Роберта Шекли «Предел желаний»

Александр Солженицын: Противостояние
«Друг, оставь покурить!» Табачный бум

БЕСПЛАТНЫЙ СУП

Он, конечно, имеет вполне реальную цену — 23 копейки. Столько же — две котлетки; четыре копейки — гарнир (гречневая каша — «размазня»); три — чай; булочка — тоже три копейки; четыре — хлеб. Итого — 60 копеек.

Обед неимущего, одинокого старика, бесприютных мальчишек и девчонок, чьи родители лишены человеческого облика. Оплачен фондом «Милосердие» районного комитета Общества Красного Креста. В нашем случае это Люблинский район столицы.

Валерий ГУРИНОВИЧ

Время нынешнее вернуло в обиход наш, казалось бы, напрочь забытые слова: благотворительность, сострадание, филантропия. И слова из иного ряда — нищета, убогость, подавание...

Просыпаясь затемно по стариковской привычке, он перебирает в уме прошлое, нащупывая там островки жизни яркой, уверенной. И, как ни странно, это все больше дни жестокие — те, что и душу, и тело ломали. Гражданская война, 16-я кавдивизия, врангелевский фронт... Мерзлая земля Подмосковья — он долбил ее, зарываясь вглубь, чтобы жечь фашистские танки...

Долгая жизнь: война, работа, снова война и снова работа. Назару Калиновичу Бартушному без малого девяносто. Он почти слеп, пенсия — 60 рублей. В бесплатную столовую ходит охотно. Но ест мало, все больше разговаривает («Меня тут любят, жалеют... А я уж и забыл, что это такое...»).

Юлия Павловна Романова — инвалид III группы. Государство положило ей ежемесячное содержание в 26 рублей. На руках больная дочь, внук шести лет.

— Нынче в школу пошел. Там-то ему хорошо — кормят...

У бывшего машиниста компрессора Владимира Максимовича Артемова пенсия — 42 рубля 77 копеек (по инвалидности). Живет в коммуналке, кроме него, там еще пятеро («А тарелку супа, как болезнь прихватит, подать некому...»).

— Из собеса? Да никто никогда не приходил. Им что — пенсию начислили, а там жив человек, помер — дело стороннее. Вот Красный Крест заботится...

Тимофею семь лет, серьезный, самостоятельный первоклассник.

— Вкусно? — спрашиваю.
— Угу-у! Тут хорошо, чай сладкий... Меня сюда тетя Женя привела... (Евгения Васильевна Тенькова — председатель районного совета многодетных матерей. — В. Г.)

Обеды подает пятнадцатилетняя «хозяйка» Лена Уварова. Она учится в вечерней школе, здесь работает по четыре часа в день. Старики зовут ее дочкой, ребятня — тетей Леной.

— Тяжело, — вздыхает она совсем по-взрослому. — Нет, не физически, я сильная. А вот насмотришься — сердце болит.

Сегодня в Люблинском районе таких столовых пять. Ежедневно обедают в них 350 человек. А всего в районе одиноких стариков и старух около четырех тысяч. Восемьсот — требуют постоянного присмотра и ухода. Кто ими занимается?

— Пока что только Красный Крест, — говорит председатель райкомитета Лидия Васильевна Храмеева и добавляет с горечью: — А у нас всего четырнадцать сестер милосердия и четверо санитарок...

Получают они (это уже я, читатель, добавлю) за свои тяжкие, выматывающие душу труд от 90 до 130 рублей. И... не бегут на сторону. Их стараниями, собственно, и организованы бесплатные столовые, «озаренные» нынче гласностью и светотехникой для телесъемок. Побывали здесь журналисты из ФРГ и США, об отечественных не говорю — сам не в первой десятке.

— А ведь еще пять лет назад мы о благотворительности заикнуться не могли, — продолжает председатель комитета. — У нас в стране, а уж в Москве тем паче, не было и быть не могло нищих, голодных — они лишь

там, в «слаборазвитых»... В Красном Кресте такая установка была: чужим помогай открыто, с помпой, своим — потаенно...

«Тайное» стало явным, а что изменилось? Несколько бесплатных столовых в Москве, Казани, Ленинграде... Собираются открыть в Ростове-на-Дону. Пока все. Если сравним с достопамятным 1913-м... Уж лучше не надо! Достаточно перечитать Гиляровского, Короленко, Успенского — в ту пору «милостыня», «милосердие» было не только живым словом, но и живым делом. (Правда, Лидия Васильевна рассказала мне, что в скором времени откроется кооператив «Братство», где совместные усилия городского комитета Красног Креста и Православной церкви обретут реальное воплощение: будет в Москве первая богадельня. Как говорится, дай-то Бог и... исполком Советов.)

Я поинтересовался: а кто помог райкомитету (деньгами, словом ободоряющим и разрешающим) в организации столовых?

— Райисполком, конечно. Райком партии поддержал. Деньги предприятия дали, от тысячи до десяти тысяч рублей, — ответила Храмеева.

— А комсомол, общественные фонды, кооперативы?

Слабо улыбнувшись, Лидия Васильевна промолчала...

Между тем в районе, городе — сотни преуспевающих кооперативов, хозрасчетных молодежных организаций. И, уверен, не обеднели бы они, оказав помощь своим согражданам, ставшим к концу жизни нищими. А профсоюзы тех предприятий, где работали (да и не год, не два — десятилетия!) сегодняшние одинокие старики? Неужто им наплевать на участь тех, кто «крепил трудовую славу» предприятия? Выходит — наплевать. Куда же подевался вдруг «гуманистический подход», «человеческий фактор»?!

Шестирублевая кооперативная вырезка, финский сервелат в спецбуфетах... и двадцатитрехкопеечный благотворительный суп.

Стоп! К кому взываю, от кого жду ответа? К совести нашей, к душам, еще (очень надеюсь!) не оглохшим окончательно от громовых споров насчет социальной справедливости.

И снова разговариваю, вглядываюсь в лица, пытаюсь в каждом найти своеобычное — судьбы-то разные. А вот случилось, что на закате все выровнялось, сгладилось, к единому краю подведено — «за чертой бедности». И почти за чертой милосердия.

...Но, знаете, и здесь оптимизма хватает. И тарелка бесплатного супа ценится не только по общепитовской калькуляции: дорого участие людское, возможность искреннего общения тут же, за столиками, что покрыты чистой скатертью и украшены незатейливыми вазочками с цветами.

...Слышу, как Назар Калинович рассказывает:

— Ночью меня прихватило, вызвал «Скорую». А они забирать не хотят. Говорят, помрешь, дед, а нам отвечать. Ты же еле дышишь... А я назло им взял да и ожил!

Р. С. Люблинскому фонду «Милосердие» помогают. И не только москвичи. Недавно переведены деньги из Уфы. Да и сами пенсионеры присылают: кто двадцать рублей, кто пять, кто десять. Добродетель — желание делать добро, — к счастью нашему, для народа понятие не отжившее...

И возможно, кто из читателей «Смены» захочет внести и свою лепту в благое дело, не погнушается подать неимущим. На этот случай вот адрес: открытый счет номер 700284, Люблинское отделение ПСБ г. Москвы. Редакция «Смены» перечисляет на этот счет пятьсот рублей.

ГОРИМ...

РЕПОРТАЖ
С ВРИСТРАСТИЕМ

Сергей ЛИТВИНОВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
и Алексея КОНДРАТЬЕВА

«Спит как пожарный» — есть такое присловье. А как в самом деле спится пожарным?..

Его хоронили на родине, в Днепропетровске. На могиле встал скромный памятник: ПЕТРОВ Алексей Михайлович, 1969—1989 гг.

...Квартира дышала дымом и жаром, и двигаться можно было только ползком. Когда он выглянул из коридорчика на кухню, там взорвался газ. Спасти его было невозможно: ожоги третьей и четвертой степени... Я видел его оплавленную каску...

За семь месяцев нынешнего года в стране погиб 31 пожарный.

Простите, девушки из службы «01»: я испытывал ваше терпение. Десять раз в течение суток набирал номер и сразу же слышал спокойное-вежливый голос: «Пожарная охрана». Так и должно быть, скажет читатель. ...Но в тот же день захворала жена, и я накручивал «03»: сорок три минуты висел на телефоне, прежде чем дозвонился...

На все катастрофы — Армения, Чернобыль, газопровод в Башкирии — первыми прибывают пожарные.

...В московской службе «01» — или ЦППС УПО* — вахту ежедневно несут десять девушек: дежурная повторяет за абонентом адрес, другая тут же набирает его на телетайпе, и одновременно в одной из пожарных рот раздается оглушительный сигнал. Через минуту пожарные уже сидят в машинах, и начальник караула впрыгивает в кабину, держа листок с телетайпограммой.

Несколько суток я продежурил с московским штабом пожаротушения. В штабе — четверо. Первый — оперативный дежурный по городу (как правило, подполковник): на большом пожаре он становится РТП**. РТП — главнокомандующий, но в отличие от командующего на войне не сидит в блиндаже, а идет в самое пекло. У него рация, и он из огня определяет расстановку сил. Рядом с подполковником всегда прапорщик-связной: на пожаре нельзя работать в одиночку. Среди дежурных по городу — начальник штаба (обычно майор): во время борьбы с огнем к нему сходятся все нити управления, ему «дает советы» и в него разряжает свой гнев городское начальство. Четвертый — начальник тыла (капитан): его боевая задача — обеспечить тушение всем необходимым.

* Центральный пункт пожарной связи управления пожарной охраны.

** РТП — руководитель тушения пожара.

Не буду называть фамилии тех, с кем дежурил: выделить одних — обидеть других. Служат здесь профессионалы высокого класса: настоящие «тушилы», как называют их в управлении. У каждого на счету не один десяток задушенных пожаров, каждый не раз лицом к лицу встречался со смертельной опасностью.

...Итак, дежуришь. Работает рация в углу.

— Район пятьдесят восьмой*. Загорание мусора. 10 часов 32 минуты.

— Район тридцать третьей. Сработала сигнализация. 10 часов 38 минут.

— Район второй. Загорание электрощитка в подъезде. 10 часов 45 минут...

На загорание щитков, мусора и тому подобное в штабе обращают внимания не больше, чем на погоду за окном: это все «семечки». Каждый занят своими бумагами. А их — ох как много! Сводки, оперативные планы, рапорты, результаты проверок, описания пожаров... Первое мое впечатление: писанины здесь больше, чем в редакции. На каждый, даже самый дохленький, пожар приходится, по моему, не меньше килограмма бумаги. Любый проверяющий первым делом требует документы. Комбат проверяет бумаги начкара, комбрига — комбата, а начальник управления — комбрига...

Я же листаю копии телефонограмм, разосланных управлением по ротам. Любопытные, я вам скажу, попадают.

«За последнее время участились пожары в зданиях, где размещены исполкомы местных Советов народных депутатов. За истекший период 1989 года в стране зарегистрировано 18 таких пожаров, причинен ущерб на сумму 135,5 тысячи рублей...»

«... Предлагаем в сентябре и первой декаде октября текущего года

* Имеется в виду район Москвы, прикрепленный к 58-й пожарной роте.

ДЕЛО О ТАБАКЕ

Игорь КОНОНОВ,
Андрей КУЧЕРОВ

ИЛИ ПЯТЬ НЕГЛУБОКИХ ЗАТЯЖЕК

Затяжка первая

Был бодр директор фабрики «Дукат». Сначала. Он предсказал коротко и энергично. Если бы ситуация позволяла, он бы, наверное, так же коротко и энергично выругался. Но знаете — пиджак, галстук... кабинет, журналисты... В общем, директор произнес сдержанно, но быстро, что, по его мнению, в близком будущем табачные изделия будут выдаваться по талонам, а отдельным гражданам (по-видимому, нервным и оттого много курящим) придется перейти на самосад...

А затем директор табачной фабрики «Дукат» Валентин Алексеевич Филипповский не бодро, не энергично, подробно и с плохо скрываемой тоской объяснил свои безрадостные предчувствия. Объяснил, приводя факты, цифры, называя суммы (денежные) и пр. и пр. — все то, что заложено в процесс изготовления небольшой набитой сигаретками пачки, той самой пачки, на которой наш предупредительный Минздрав сообщает про наше хрупкое здоровье. Впрочем, о нем и речь — о нашем хрупком советском здоровье...

Однажды кто-то не из системы Минздрава (хотя кто знает, кто знает...), но человек наверняка гуманный, не злой и вежливый, отложив в сторону топор (веревку? кувалду? ружье? мышьяк? дубину?...), снял с губы окурки и протянул его обреченному на смертную казнь человеку. Последняя затяжка смертнику! Последний прижизненный кайф! Заметьте, не глоток вина, не женщину — затяжку дымом табака. То есть даже люди грубых профессий (типа революционных матросов, работников правоохранительных органов и т. п.) понимали высший смысл этого акта, что лишней раз говорит о больших различиях между человеком и, например, козлом. Но мы не о козлах, хотя и они тоже имеют отношение к системам Агропромов, в ведении которых находится «табачное дело» нашей страны. Одним словом, даже в те времена (в какие? — об этом представление у каждого свое), даже обреченным на казнь людям, даже лишены всякой надежды людям оставляли последнее святое право — право на затяжку. Ту самую, ни с чем не сравнимую затяжку терпким, щекочущим легкие табачным дымом, которую по кайфу можно сравнить разве что с ощущениями провинциала, полдня искавшего единственный на весь индустриальный город туалет и вставшего наконец к писсуару... Помните эту головокружительную постепенность? Короче, только курильщик поймет и оценит пафос, с которым мы «поем» о табаке. И тут...

Люди лишаются табака. Лишаются той самой заветной затяжки, которую, быть может, слишком многие хотят всосать всем организмом, оказавшись один на один с перестройкой, лицом к лицу.

Это, между прочим, не юмор. Это совершенно, между прочим, серьезно.

Время стрессов и страстей, как сказал поэт-лесенник. Время «революци-

онных преобразований нашего общества», как говорят не чуждые поэтики политики. Время все новых и новых витков перестроечного обновления, пределы которого никому не известны. Дух захватывает ежедневно. Стоит открыть газету, включить телевизор или (не дай вам бог!) увидеть из окна вашего дома, как в вашем тихом дворике ранним утром в расчете на инкогнито (наивные!) играют друг с дружкой резиновыми дубинками милиционеры. Но это к слову. К слову о каждодневном стрессе. И к слову о средствах, которые помогают этот стресс снять. Табак, как гласит молва, несмотря на свою вредоносность, именно к таким средствам и относится. А его нет. Почему? Ну, почему нет ДАЖЕ табака?! Именно так хочется воскликнуть. Хотя это и голая эмоция, свойственная, как было тонко замечено, в основном амбициозным политикам от перестройки. Но тем не менее эта голая эмоция присутствует. Причем в организме. Причем в организме не очень сытого и давно курящего человека. А если подсчитать, сколько на территории СССР таких организмов, то идиоматическое выражение «душевный вопль» перестает существовать в виде голы абстракции и приобретает необходимую остроту, гласность и силу. И над землей отчетливо прогремит: «НУ ПОЧЕМУ?! НУ ПОЧЕМУ В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ ДАЖЕ ТАБАКА?!» Вот только вопль он и есть вопль. На него нынче внимания не обращают: вопят все или почти все. Потому мы и задали этот «вопль» очень тихими голосами Василию Николаевичу Теревцову — начальнику производственного объединения «Табакпром» Госагропрома РСФСР (его рабочий телефон 254-31-11). И он сказал почти с той же, что и директор фабрики «Дукат» (помните?), тоскливой интонацией...

Затяжка вторая

Но прежде чем тов. Теревцов сказал, мы вдруг задумались. Для его же, тов. Теревцова, пользы.

Мы задумались вдруг о директоре фабрики «Дукат» Валентине Алексеевиче Филипповском. И вот на какие мысли навел этот худощавый, нервный уставший человек.

Будь он, Филипповский, свободным, ни от кого не зависящим (кроме покупателя-телефона) владельцем фабрики «Дукат», решила бы молодая женщина вместе с малолетними детьми выбраться из окна, доведенная до отчаяния нищетою, с которой устала бороться? (Об этом страшном случае рассказало нам ленинградское телевидение.) Сам вопрос и цепка фактов на первый взгляд довольно странные. Но мы считаем, только на первый взгляд. Поскольку нищета в нашей стране обусловлена одним: несостоятельностью экономической концепции. Время доказало простую мысль: нельзя управлять экономикой, не вкладывая деньги в производство и не получая от этого производства стимулирующую прибыль. Будь

Филипповский владельцем фабрики, он бы, наверное, сократил (или увеличил?) штат рабочих. Он бы, наверное, перемашил (читай — перекупил) лучших специалистов с фабрики «Ява», чтобы, например, дукатовские «Столичные» превосходили «Столичные» явские. У него, наверное, были бы свои табачные плантации, свой «мерседес», свой особняк, свой счет в банке, с которого он, тов. Филипповский В. А., наверняка бы жертвовал немалые суммы на строительство тех же школ, разрушенных во время армянского землетрясения. И не расходовал бы он попусту свою энергию и нервы, матеря в душе все эти «...промы», «...стерства». Он бы, наверное, нормально, в удовольствии себе и другим работал, рисковал, проваливался, выкарабкивался, словом, жил бы так, как, по-видимому, не будут жить даже его дети. И наверное... Да не наверное, а наверняка. Потому что он прирожденный, от природы хозяин и... собственник, и предприниматель в самом полезном смысле этого замечательного слова. И если перестать кормить его и таких, как он, одними обещаниями, то вряд ли рабочие его фабрики вздумают выбрасываться из окон, оказавшись за чертой бедности.

Все или почти все понимают сегодня: накормить многих могут только немногие талантливые, богом (а не только должностью) наделенные для этого люди. Они накормят, если им наконец развяжут связанные тысячами «нельзя» и «не положено» руки. Они накормят, если политику страны будут в главном верстать предприниматели, а не «гласатаи перестройки». Они накормят, если понятие «частная собственность» перестанет трактоваться как проклятие социализму, а пока наша идеологическая девственность трактуется так — не быть Филипповскому президентом корпорации «Дукат».

Неужели не понятно, что все наши разговоры о недопустимости эксплуатации человека человеком не более чем ритуальные заклинания. За всю свою сознательную историю человечество не нашло лучшего механизма для стимулирования труда, для развития экономики, чем частная собственность. История устала доказывать, что страна (и страны), пренебрегающая этим механизмом на практике, неизбежно выпадает из мирового развития. Те, кто осознает это, возвращаются к стимулам, испытанным временем, те, кто продолжает упорствовать, тщась доказать недоказуемое, мечутся между перманентными революционными потрясениями и тихими самоубийствами.

Ну, если сам термин мешает думать без комплексов — обзовем его угодно: кооперативная собственность, арендная собственность — главное, не крутить руки!

Ведь в тех же кооперативах давно уже произошло достаточно крутое разделение на членов кооператива и на работников по трудовому соглашению. «Ядро» получает рублей по девятьсот, а договорники по двести — триста. Это

справедливо: первые внесли свои средства и рискуют материально в случае разорения, вторые просто выполняют работу за вознаграждение. Но все довольны: и хозяева, и работники.

А взять совместные предприятия с иносфирмами. Это же сектор госкапитализма в стране, причем процент иностранного капитала может быть преобладающим. Выходит, мы официально благословили эксплуатацию наших рабочих? Но удивительно, что проблем с кадрами на СП нет. Более того, конкурс на прием на работу. Тысячи людей предпочитают добровольно подвергнуться эксплуатации за семьсот рублей, нежели оставаться «совладельцами соц. собственности» за сто двадцать. Так как насчет частной собственности? Но это опять-таки к слову.

А кстати... А что если где-нибудь в Швеции, например, уже наступил социализм? Вдруг наука лет через семьдесят придет к такому радостному не для нас выводу? Что скажут тогда о нас наши дети?

Интересно, что будут через семьдесят лет говорить о нас наши дети? Вот, собственно, о чем мы задумались, прежде чем Василий Николаевич Теревцов начал отвечать на другой наш вопрос. Помните его? Напоминаем. «Ну почему?! Ну почему в нашей стране нет ДАЖЕ табака?!»

Затяжка третья

— ...и это, во-вторых. В-третьих, нам просто не из чего делать сигареты. Чтобы обеспечить рынок, необходимо закупать сигаретную бумагу, а валюты нет. Сейчас уже пора заключать договоры с торговлей. Как мы можем это делать, не решив вопросы снабжения? Что я в конечном счете скажу рабочим, которые простаивают и не имеют возможности хорошо зарабатывать? Или мне ожидать нового Кузбасса? Дайте нам возможность самим заключать прямые договоры с фирмами, дайте валюту, чтобы эти договоры обеспечить! Если нам не будут ставить палки в колеса, у нас есть все возможности сделать отечественный табак конкурентоспособным, и тогда мы будем в состоянии сами обеспечить себя валютой. Сейчас же сотрудики «Экспортлеса» не заинтересованы, чтобы решался, например, вопрос с бумагой. Почему? А просто: как только происходит задержка с отгрузкой бумаги из Франции, Испании, Финляндии, их представители сразу едут в заграникомандировку, чтобы «ускорить» затянувшуюся отгрузку. А если будут вовремя отгружать, зачем тогда ездить? А найдите сегодня дурака, который не хочет съездить за рубеж. Вот и получается замкнутый круг по принципу «великого кормчего» — чем хуже, тем лучше. А мы, повторю, могли бы конкурировать с нашим табаком и на мировом рынке, если бы вкладывали в табачную промышленность капиталы. Ведь в нашей стране все (все!) оборудование для табачной промышленности закупается за границей.

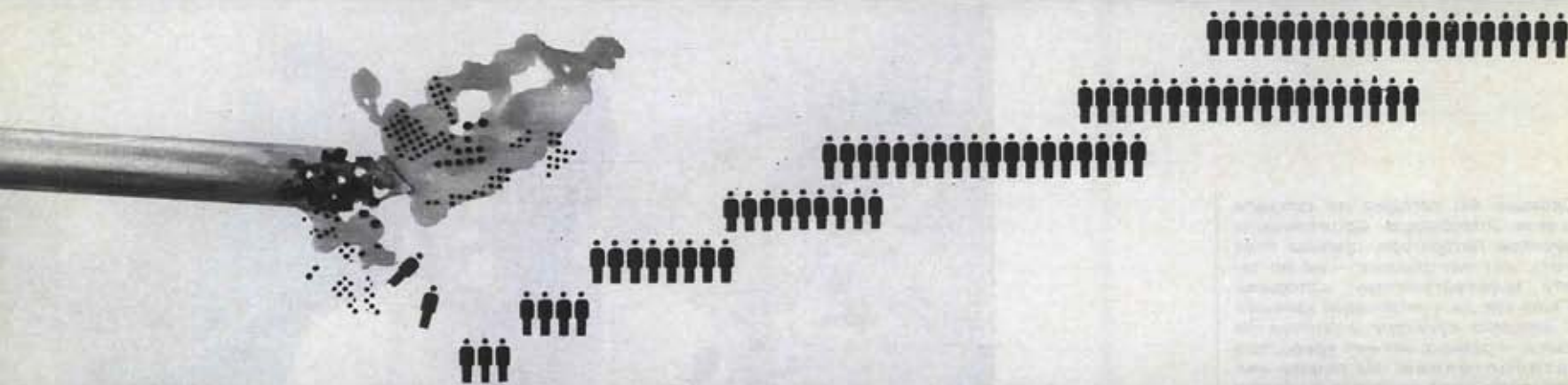

Рисунок Владимира ЗАЙЦЕВА

Мы его вообще не производим. Мы даже внутри страны не можем удовлетворить потребности в табаке. Около шестидесяти миллиардов табачных изделий закупаем в Болгарии и других странах. И при этом нам каждый год направляют проекты постановлений об ужесточении борьбы с курением. Неужели «ликеро-водочная кампания» ничему не научила? Повырубили виноградники, сейчас схватились за головы. Так ведь поздно. Я считаю, и с табаком так же будет — все доведут до черты, после которой придется оперативно исправлять положение. И придется той же валютой вгрозить раза в три больше, чем это требуется сейчас. В нашем замечательном правительстве, видимо, ждут, когда проблема табака выйдет на уровень мыльно-порошкового дефицита. А потому что никто в нашем, повторяю, замечательном правительстве проблемами отрасли не занимается. Короче, положение на наших фабриках приближается к катастрофе...

Но тут мы решили прервать монолог Василия Николаевича Тервцова. И решили ему возразить. Но не просто возразить, а возразить как бы в образе одного из тех оппонентов, которых нам и видеть приходится часто, и слышать регулярно. Словом, прикинув на глаз расстояние, ближе которого Василий Николаевич не подпускался, но голос наш слышал хорошо... в общем, мы взглянули на него строго, но по-доброму:

— Э-э-э, нет, Василий Николаевич. Мы тут, как говорится, обменялись, и вы не можете не принять наши доводы... Вся, понимаете ль, страна... Озноб обновления... Мы тут с товарищами обмениваемся, а вы?.. А вы говорите, что дефицит табачных изделий приводит к массовому недовольству курильщиков. А может, это принять как другую сторону медали? Давайте подумаем. Давайте вместе подумаем. Давайте обменяемся и решим наконец... Давайте у народа спросим. Вредно курить? Мы думаем, что народ, рабочий класс нас поддержит... Тут не надо слешить... Тут нам всем вместе надо. С народом... Ведь как бывает, Василий Николаевич? Народ думает, что ему плохо делают, а на самом деле для его же пользы... Или вот вы про инвалютные рубли упомянули... Это, знаете, эмоции. Это вы, видимо, с товарищами не обменялись... Вы говорите, пять лет назад оборудования на пятьсот — шестьсот тысяч закупили, а нынче только на девяносто... Ну и что? Вы ж, говоря так, не хотите принять во внимание, что наше дело сегодня вообще табак, поэтому валюту нам экономить надо. А так, с наскока... Народ не поймет, не одобрит... Готовы сами летом, ближе к телу, чем своя рубашка — вот как народная мудрость гласит... и перестройка сейчас... Верно, перестройка с каждого из нас начинается, но не каждому из вас нужна валюта, и тише едешь дальше будешь, как волка ни корми... А вот то, что у вас оборудование на фабриках простаивает из-за ремонта, это плохо. Надо, навер-

ное, вам, Василий Николаевич, всем миром... надо обменяться и чтоб товарищи... Аренда ведь доказала... Вон рабочий человек что говорит... А мы заявляем со всей ответственностью, что другого пути у нас нет. И атмосфера, которая здесь у нас сейчас царит, встретит широкую поддержку. И мы уверены, если мы ее осуществим, даст плоды, на которые рассчитывает все общество. Мы говорим это ответственно, потому что люди связывают с перестройкой реализацию своих жизненных планов... Так что мы...

И работал диктофон, на который записались последние слова Тервцова: — Я считаю, что курительные изделия должны быть в каждом магазине. Если человек привык курить, он должен иметь возможность курить. Он имеет право свободно купить сигареты. И бороться надо не с табачной промышленностью, а за снижение вредности табачных изделий за счет повышения качества этих самых табачных изделий...

Вот-вот, о том и речь пойдет — говорит ли Минздрав правду, расписываясь в том, что курение вредит нашему здоровью. Или же имеется в виду только здоровье советских людей, и Минздрав говорит только о сигаретах, которые производятся в нашей стране?

Затяжка четвертая

Зато у нас есть НИИ табака и махорки. Имени А. И. Микояна. Находится НИИ в Краснодаре. Это забавно, что в Краснодаре, в самой что ни на есть колыбели революционных антитабачных деяний бывшего краснодарского босса Медунова. Ведь это его слова о табаке: «Сорную траву — вон с кубанских полей!» — тиражировал в виде лозунгов послушный идеологический аппарат. Это при нем развернулась беспрецедентная охота на курильщиков в Краснодаре и Сочи, когда пойманного с сигаретой штрафовали на месте без суда и следствия. Это при нем дивные, на зависть вирджинским табачные плантации края пришли в запустение, «плоды» которого мы пожинаем сейчас. В общем, его активности и решительности могли бы позавидовать в свое время китайские истребители воробьев. И ничего, сдюжили казаки. Еще и не такое переносили.

Словом, мы отправились в НИИ табака и махорки имени Микояна. Во «вкусном» названии института было что-то доверительное, естественное. Быть может, имя Анастасия Ивановича навеяло запахи известного московского комбината, выпускающего дивную колбасу — ту самую, которой не брезгают даже кошки. А может, слово «махорка» — нестальгически «дымилось» — временами, когда медики еще не пришли к заключению, что капля никотина убивает лошадь.

Так или иначе, но именно с «лошадиной версии» мы начали разговор с собравшимися по случаю нашего приезда (интерес к отрасли — событие, как вы-

яснилось, из ряда вон) ведущими учеными института — своего рода ученым советом во главе с замдиректора профессором И. И. Дьячкиным.

— Ну что вы! — враз заулыбался совет. — Никотиновая кислота содержится во многих продуктах, и без нее организм существовать не может. Конечно, не надо ее килограммами потреблять, но в том или ином виде она нужна и полезна. Вот Минздрав нас предупреждает об опасности курения. Справедливо предупреждает, но очень абстрактно, можно сказать, никак. Предупреждает и... все. Но если человек курит, он и внимания не обратит на эту надпись. Значит, задача Минздрава не страшать курильщика последствиями — дескать, мы ж вас предупреждали! — а контролировать качество табака, как это делают во всем мире.

Ведь никотин не главное зло сигареты. В процессе курения образуется конденсат — коричневая маслянистая жидкость, хорошо видная на фильтре. Именно в этом конденсате, содержащем чуть ли не всю таблицу Менделеева, находятся вредные для организма вещества. Главная задача — снижение уровня конденсата. Установлено, что допустимая норма его — пятнадцать миллиграммов на сигарету. За рубежом эту цифру уже довели до семи миллиграммов, а у нас она — двадцать пять — тридцать миллиграммов — в два раза выше нормы. То есть у нашего курильщика шанс заболеть в два-три раза выше, чем, скажем, у американского. Почему? Причина — нарушение технологии производства сигарет и прежде всего технологии уборки табака.

Убирать табак нужно в строго определенные сроки, когда он достиг технической зрелости — ни раньше, ни позже. Табачный лист на момент уборки должен быть определенной желтизны. А что на практике? На дворе осень, и в райком летят донесения: «Уборка табака закончена на две недели раньше срока. Сообразительства выполнено!» Помилуйте, какие обязательства? Это значит, что убранный незрелый лист, из которого потом будут изготовлены сигареты с теми самыми тридцатью миллиграммами конденсата, отвратительным вкусом и запахом. Зато раньше срока! Так вот куда должен смотреть Минздрав — в корень, и, если сырье некачественное, запрещать его дальнейшее использование...

В Соединенных Штатах, например, есть и угольные, и ацетатные, и вентиляционные фильтры. Есть специальная перфорированная бумага, то есть дым разбавляется воздухом. Такие фильтры задерживают до 30—50 процентов всей конденсатной гадости. А у нас единственная в стране фабрика по производству фильтров в Спитаке разрушена, сейчас табачные фабрики выбирают все запасы и скоро перейдут на выпуск сигарет без фильтра. А валюты на закупку фильтров не дают...

Без гербицидов табак вырастить невозможно — очень уж нежная к воздействию вредителей культура. Но у нас

ведь и гербицидов сыплот в почву, не жалея, оттого и содержание их в сигаретах выше предельной нормы. Мы в институте сконструировали установку, позволяющую очищать табак от гербицидов, но в заводских условиях построить ее не можем — нет комплектующих. Их опять же надо закупать за валюту, а валюты опять же нет...

И не дадут, подумали мы. С чего это вдруг вкладывать валюту в абстрактное здоровье каких-то курильщиков? Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Вот Борис Ельцин съездил в Америку, заработал там валюту и привез одноразовых шприцев целый самолет. Жаль, что он не курит. Можно было бы его еще раз туда послать. За фильтрами. Или за комплектующими. А может, создать в стране общество курильщиков? Тогда от него, как от общественной организации, можно будет своего человека в парламент пропихнуть — пусть за права курящих борется... И снова мы слушали ученых:

— Существует этика курения. Затягиваться нужно с определенной частотой. Нельзя суетиться и мусолить фильтр. Когда он намокает, он начинает пропускать конденсат. Лучше всего курить в спокойной обстановке, у камина или окна. Считается, что зрелище огня успокаивает чисто психологически. Сердце работает ритмично, и легкие засасывают меньше конденсата. Нельзя курить больше половины сигареты, как говорится, «до фабрики», то есть до фабричного значка. Когда сигарета выкурена наполовину, конденсат лишь приближается к фильтру и почти не поступает в организм...

И тут нам захотелось сказать: «Ребята, вы хорошие ученые, но вам легко говорить об этике курения и о затяжках у камина. У вас нет проблем найти сигарету, когда целая табачная плантация под окнами института, а на крайний случай — посеви полузабытой махорки. Скажите лучше, как выращивать махору?»

Затяжка пятая

А может быть, бросить курить? Быть может, смириться перед наступательной заботой нашего государства о нашем здоровье? Ну не выращивать же в самом деле табак на подокознике! А с другой стороны, почему нет? Научились же варить самогон, и как! Научимся варить и мыло, научимся и колбасу, надо будет — поседем и пожнем табак, мы ж терпеливые, мы же такие терпеливые... Другое пугает. Не начнем ли содрогаться от очередного фонтана заболеваний и смертей, когда люди будут вынуждены курить все подряд? Дай бог, чтобы это неравное пророчество не оправдалось. Иначе Минздраву просто некого будет предупреждать...

P.S. По нынешним ценам черного рынка пачка фирменных сигарет стоит 12 рублей. Пачка отечественных сигарет «Ява» (в мягкой упаковке) — 70 копеек. Сигареты «Космос» идут уже по рублю. Рост цен продолжается... 7

Сколько бы сегодня ни спорили о месте Александра Солженицына в русской литературе, пришла пора понять: нет ему равных — не по таланту художественному, которыми XIX наш век да и начальный краешек XX мировую культуру стороной не обошел, — равных нет ему крепостью противостояния. Не понять этого не могут даже извечные и нынешние недруги — если не безнадежно слепы, если не окончательно глухи. А ведь целому поколению злонамеренно слепили глаза, безнаказанной силой затыкали уши, от себя и от других гоня подальше простую мудрость: железная власть — как бы долг ни был ее век — ржавеет, обращается в прах, а правда, она и изпод чугунных глыб рано или поздно проглянет, проглянув — подымет, поднявшись — окрепнет, да так, что всех кованых сапог не хватит ее затоптать. Не зря же писателем и повторено: СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

В документах, нам доступных, хотим мы дать читателям нынешних поколений хотя и не исчерпывающую, а как бы эскизную картину этого противостояния. Настает время неизбежности такого именно слова, и будем надеяться, что на обочину истории оно уже не соскользнет. И пусть другие скажут больше, пусть несовершенным, но все-таки первым в нашей печати будет этот свод-хроника.

«То не диво, когда подпольщиками бывают революционеры. Диво — когда писатели».

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Ему — и слово.

«Двенадцать лет я спокойно писал и писал. Лишь на тринадцатом дрогнул. Это было лето 1960 года. От написанных многих вещей — и при полной их безвыходности, и при полной безвестности — я стал ощущать переполнение, потерял легкость замысла и движения. В литературном подполье мне стало не хватать воздуха».

«Но что-нибудь же значил гул подземных пластов, прорвавшийся на XXII съезд?.. Я — решился. Вот тут и содился неизвестно для какой цели и каким внушением «облегченный» «Щ-854»¹. Я решился подать его в «Новый мир». <...>

Сам я в «Новый мир» не пошел, просто ноги не тянулись, не предвидя успеха. Мне было 43 года, и достаточно я уже колотился на свете, чтобы идти в редакцию начинающим мальчиком. Мой тюремный друг Лев Копелев взялся передать рукопись. Хотя шесть авторских листов, но это было совсем тонко: ведь с двух сторон, без полей и строка вплотную к строке.

Я отдал — и охватило меня волнение, только не молодого славянолюбивого автора, а старого огрызчивого лагерника, имевшего неосторожность дать на себя след. Это было начало ноября 1961 года». <...>

«...в начале декабря от Л. Копелева пришла телеграмма: «Александр Трифонович восхищен статьей» («статьей» договорились мы зашифровать рассказ, статья могла быть и по методике математики). Как птица с лета ударяется в стекло — так пришла та телеграмма.

¹ Речь идет о повести «Один день Ивана Денисовича».

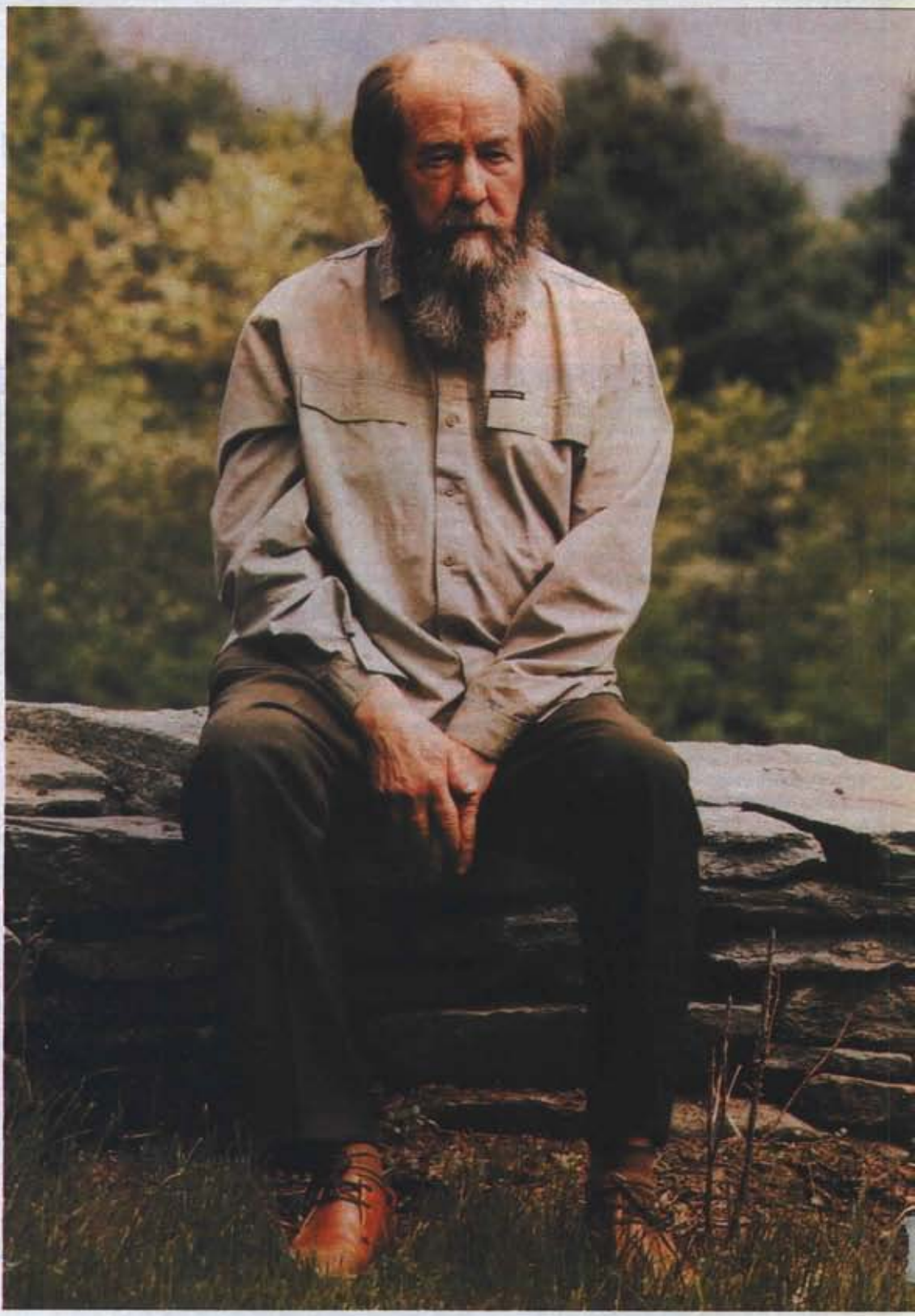

фото из журнала «Тайм»

ПРОТИВ

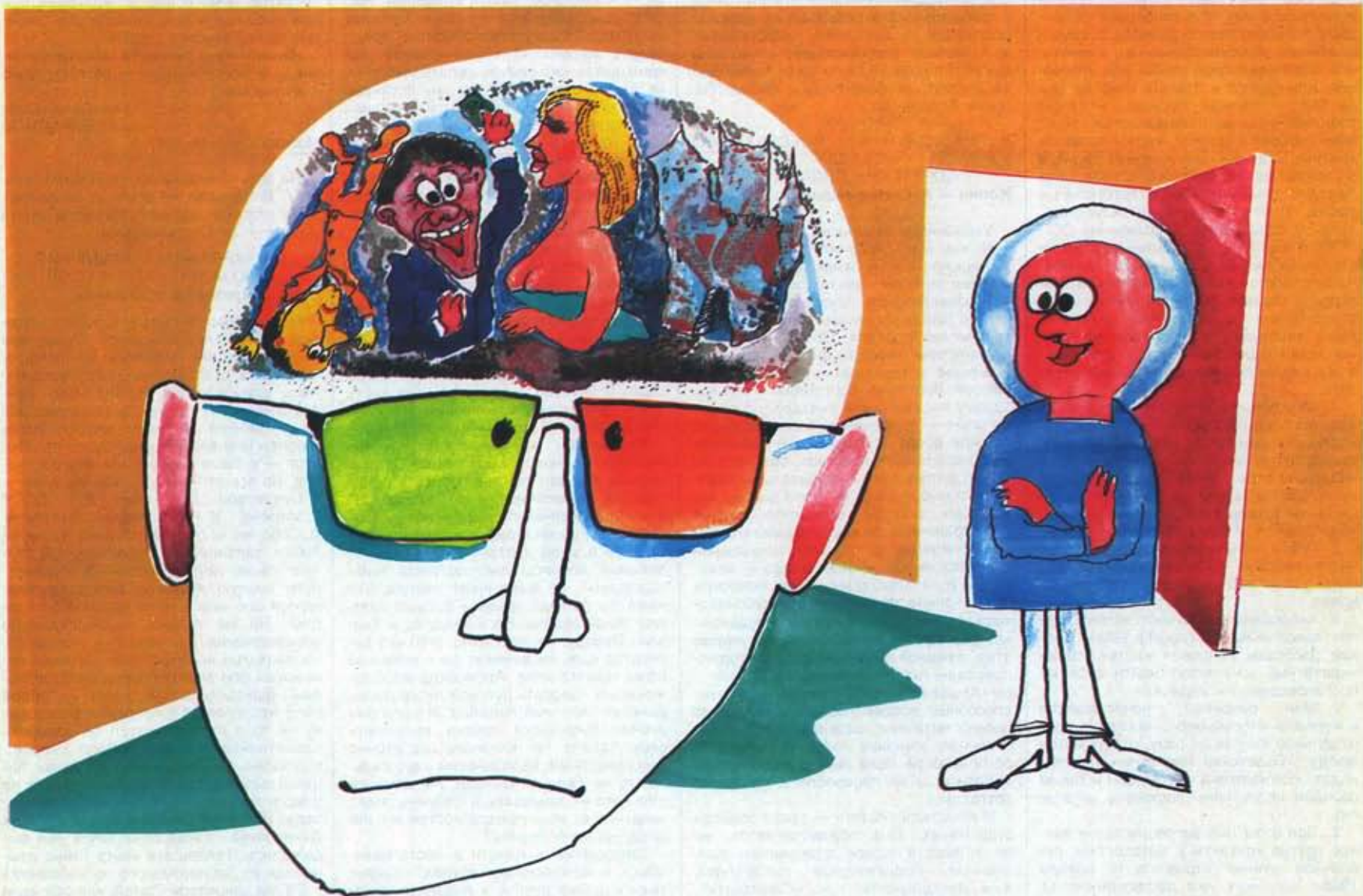
И кончилась многолетняя неподвижность. Еще через день (в день моего рождения как раз) пришла телеграмма и от самого Твардовского — вызов в редакцию. А еще на завтра я ехал в Москву и, пересекая Страстную площадь к «Новому миру», суеверно задержался около памятника Пушкину — отчасти поддержки просил, отчасти обещал, что путь свой знаю, не ошибусь. Вышло вроде молитвы».

Грех опускать события, тому предшествующие, но коротко, пунктиром хотя

бы, не сказать — и вовсе нельзя. А они таковы. Редактор отдела прозы А. Берзер, по слову Солженицына, «сыграла главную роль в вознесении моего рассказа в руки Твардовского». Дождалась случая, сказала, есть, мол, две рукописи, «требующих непременно его прочтения: «Софья Петровна» Лидии Чуковской и еще такая: «лагерь глазами мужика, очень народная вещь». (...) «...в шести словах нельзя было попасть точнее в сердце Твардовского! Он сразу сказал — эту давайте».

Уже потом узнано было, что Твардовский

«...вечером лег в кровать и взял рукопись. Однако после двух-трех страниц решил, что лежа не прочтешь. Встал, оделся. Домашние его уже спали, а он всю ночь, перемежая с чаем на кухне, читал рассказ — первый раз, потом и второй. <...> Так прошла ночь, пошли часы по-крестьянскому утренние, но для литераторов еще и ночные, и пришлось ждать еще. Уже Твардовский и не ложился». (...)

Роберт ШЕКЛИ

ПРЕЖДЕ ЖЕДАНИИ

В Нью-Йорке дверной звонок раздаётся как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что это, наверное, блондинка из корпуса 12 С пришла одолжить баночку селитры. Или, возможно, явился какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю, — отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги, — сухо сообщил Эдельштейн. — Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте, — ответил голос. — Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподнесут в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

— Принимать что-либо бесплатно, — сказал Эдельштейн, — я тем более не могу себе позволить.

— Но я имею в виду действительно бесплатно, — подчеркнул голос за дверью. — Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн, — мягко проговорили за дверью, — цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть пронизательность.

— Он меня еще учит, — обратился Эдельштейн к стене.

— Ну, хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем

цинизме и расовых предрассудках, зачем мне это в конце концов?

— Минуточку, — заметил Эдельштейн. — Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходилось сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите, — буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадался в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за 10 долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за 2.98!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!..» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба».

— У меня слабый характер, — печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну, хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас», — и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку, — взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется ненормально быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — спросил гость.

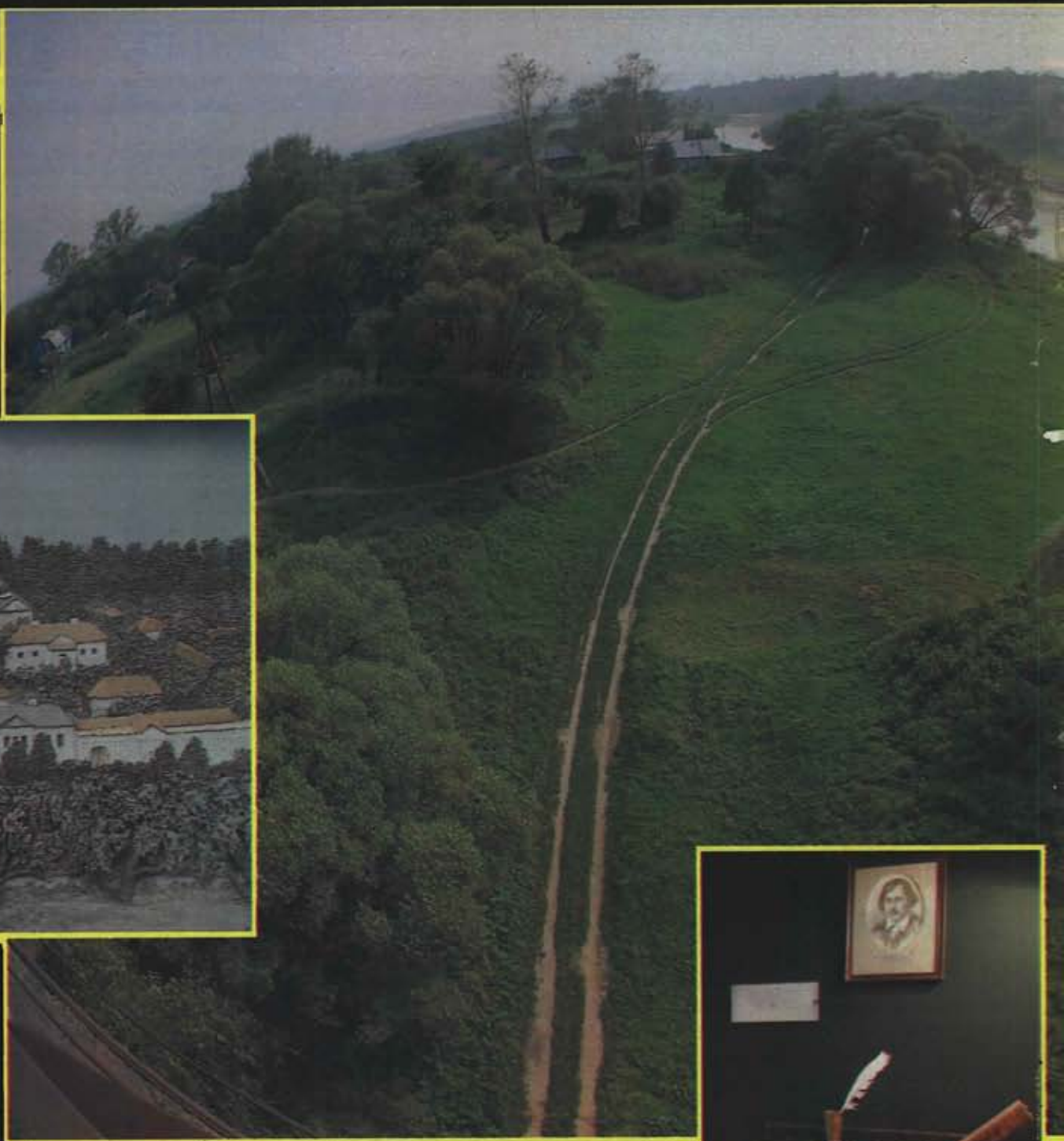
— О боже, конечно, нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О боже, боже, кажется, я попал в переплет! Эдельштейн вернулся к дивану и тяжело на него опустился. Гость сел на стул.

— Что происходит? — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время, — объяснил гость. — Кроме того, это обыч-

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ
Фото
Владимира ВАСИЛЬЕВА

Я приезжал в Козельск в разное время — и в августе, и в октябре, и в январе, и в марте, и в мае. Собственно, Козельск — это ведь еще и Оптина пустынь, и Нижние Прыски, и Шамордино, и Сосенское, то есть еще и окрестно-

сти, без которых не понять исторической судьбы и нынешнего облика маленького городка над Жиздрой, быстро текущей в Оку.

Левый берег, на котором стоит город, крутой, а правый — необычно, неожиданно — пологий. Возможно, говорят историки, левый берег насыпной. Здесь была старинная крепость. Вот остатки Успенского собора... Отсюда, с огромной высоты, виден и нынешний, действующий железнодорожный мост, и брошенные опоры бывшего моста.

...Просторы, дали — древняя калужская земля...

Козельск впервые упомянут в летописях под 1146 годом, на год раньше Москвы. В 1996 году исполнится 850 лет.

Сейчас в самом Козельске живет около 22 тысяч человек, да еще в поселке Сосенском (в нескольких километрах) — примерно 14 тысяч человек, да еще в отдельном городке — 12 тысяч, а во всем Козельском районе, если все сложить, — более 60 тысяч.

На главной площади города (когда-то торговой, с десятками лавок) много разного рода памятников. Из них, наверное, самый выразительный — это бесконечный перечень фамилий козельчан, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

Замечаем: установлен на площади камень с надписью, что здесь будет сооружен еще один памятник — в честь 750-летия обороны Козельска от Батыевой орды... Более двухсот лет назад, когда Козельск стал уездным городом, ему был присвоен герб в память той героической обороны: «...в червленом поле, знаменующем кровопролитие, накрест расположенные пять серебряных щитов с черными крестами, изъясляющими храбрость их защищения и несчастную судьбину, и четыре золотые креста, показывающие их верность».

В ОЖИДАНИИ ЛЮБВИ

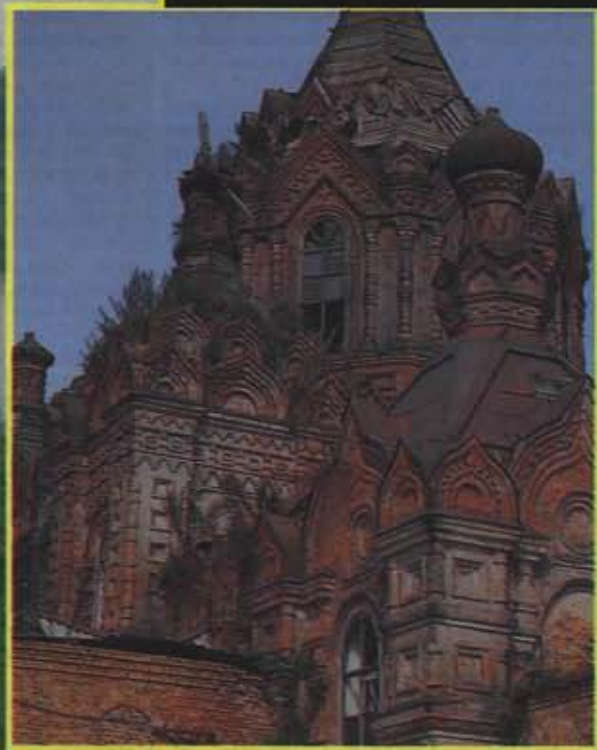
Козельские впечатления

История с лихвой оправдала символику городского герба.

Но, если бы меня спросили, какими великими событиями ознаменованы наши дни в жизни древнего города, я не колеблясь назвал бы прежде всего главное: возвращение Оптиной пустыни Русской Православной Церкви. И без претензии на парадоксы рискнул бы рядом поставить еще одно: первые свободные выборы народных депутатов.

Раннее утро в Козельске, воскресенье, 26 марта... День выборов народных депутатов уже начался, и я спешил домой в Москву, чтобы успеть проголосовать. По дороге на станцию расспрашивал козельчан, за кого они будут голосовать: предстояло сделать выбор между Александром Сергеевичем Полузковым, заводским инженером, и Геннадием Ивановичем Улановым, первым секретарем Калужского обкома партии. Я не почув-

как хороша Никольская церковь, построенная в 1740 году на одной из высоких точек города. Она и образует сейчас архитектурный центр города. Но в створе с церковью — огромная, внушительная, едва ли не столь же высокая кирпичная труба хлебозавода. Так они и видятся вместе — потемневшие главы церкви и труба из красного кирпича.

Менее заметна — она в стороне — действующая церковь Благовещения. Других церквей или давно уже нет, или же они приобрели неузнаваемый облик. Исторический силуэт Козельска сильно обеднен, искажен уничтожением нескольких замечательных храмов, которые создавали единый ансамбль.

Убежден, что великое духовное наследие, которым обладает городок над Жиздрой, дает ему право на общенациональное и мировое внимание, почитание, восхищение. Козельск по меньшей мере заслужил, чтобы в Никольской церкви не помещался цех московской швейной фабрики «Большевичка», который, увы, и не собирается отсюда перебираться в какое-нибудь другое здание. Церковные стены и главы закопчены, храм осквернен...

А за рекой высилось, сияло, влекло великое творение национально-русского гения, духовный центр Руси — Оптина пустынь. Основанный в XV веке монастырь стал одним из средоточий русского православия, духовной мудрости и красоты, воплощенной в неповторимом архитектурном ансамбле, во всем строе жизни монастыря. С оптинскими старцами беседовали Гоголь, Достоевский, Лев Толстой: к ним приходили за духовной помощью и нравственным утешением люди всех званий и состояний. Убежден: главное сокровище Козельска — Оптина пустынь. И шире — память истории. То, что это — духовное богатство, как будто бы ясно (впрочем, яснее в Москве, чем здесь). Если же представить весь ансамбль памятников истории культуры в городе и его окрестностях, то — при условии воскрешения каждого из них и создания общего заповедника — надо признать, что Козельск обладает огромными возможностями живого явления этой одухотворенной красоты. Правда, для этого и сам город должен стать иным, так что надо говорить об экономике, о социальной среде, о мно-

гих проблемах местной жизни — о ее цивилизованности...

А как видит и оценивает город обычный приезжий. Вот он идет в гостиницу; предположим лучшее — с трудом поселяется в трехместном номере, а то и на раскладушке в коридоре... Горячей воды нет, туалет во дворе... Он зашел в ресторан: люди сидят в пальто, пьяные, накурено, «музыка» орет изо всех сил, полчаса надо ждать официанта, еще час — еды. Пошел в кафе напротив — там грязно, невкусно...

Не слышком ли приземленно судить по «быту» о столь древнем городе?.. Но, увы, человек подчас раньше всего встречается с будничной стороной жизни. Выходит приезжий человек на улицу... Темнеет... Куда пойти? В церковь нас отучили ходить. В кино как-то не очень хочется; редки хорошие фильмы. Было в городе два кооперативных видеозала, теперь по новому постановлению их закрыли. Театра (или театральной самодеятельности) в городе нет.

Дом культуры, как водится, имеет свой репертуар, но посещается большинство его «мероприятий» плохо (об этом писала и районная газета). К этому необходимо добавить, что в Козельске Дом культуры построен по какому-то странному проекту (вывезенному почему-то из Ейска!). В результате зимой в Доме можно находиться только в пальто (а еще лучше — в шубе). Знаю не понаслышке, испытал сам.

Значит, телевизор... В Козельске ошутимее, насколько далеко наше телевидение от уездного (говоря по-старинному) городка России, какой между ними контраст... «В столицах

стывает ли генплан развития Козельска?», «Как попасть к вам на прием?», «Почему в школе не ведется преподавание английского языка?» и тому подобное».

Избиратели задали первому секретарю обкома, как видим, далеко не частные вопросы. И умение откликаться на просьбы и жалобы трудящихся, и будущее родного города, где проходит встреча с избирателями, и даже знание английского языка нашими детьми — это не мелочи...

Было часов восемь утра. Я шел из Козельска в Оптину пустынь. Начался хороший ясный день этой ранней весны, быстро наступившей после необычно теплой зимы.

У моста я обернулся. И загляделся на Козельск...

Издали, от Жиздры, еще виднее,

Свято-Введенский монастырь, Оптина пустынь. Так было...

Древний Козельск вознесся над Жиздрой...

Сердце Скита — церковь Иоанна Предтечи.

Николай Васильевич Гоголь приходил в обитель...

Шамордино.

Рушится Казанский собор (XIX век).

Памяти святого Амвросия — монастырь возрождается...

Фрески над входом в Скит.

ставал, что вокруг этой альтернативы кипели какие-то страсти, все было спокойно как будто бы... А через день позвонил в Калугу и в Козельск и узнал, что на выборах победил Полуэктов. Как говорят в таких случаях, «не надо драматизировать», выбрали тоже «нашего человека». Да я и не берусь как-то подытоживать, суммировать итоги этих выборов. Все же отмечу некоторые детали, связанные именно с Козельском.

Так, накануне выборов районная козельская газета «Вперед», рассказывая о встрече избирателей с Г. И. Улановым, выражала сожаление, что «многих собравшихся... почему-то заинтересовали в большей степени вопросы... частного порядка». И далее газета сокрушенно комментирует: «Что надо было отвечать первому секретарю обкома партии на такие вопросы: «Как вы откликаетесь на просьбы и жалобы?», «Суще-

шум, гремят витии...» Все эти дебаты, рок-ансамбли, проблемы... «А мы живем, как при Екатерине...» Ну, конечно, не в буквальном смысле. И все-таки «другая жизнь». Не в том дело, что бедность, нехватка, «дефицит». Я не знаю, как это выразить... Но очень остро чувствую, когда смотрю в Козельске телевизор. Мне показалось, что не доходит до телеэкрана, до всех нас, жителей столиц и больших центров, какая-то затаенная дума этого городка, более того — всей безмерной, глубокой России.

Иной раз мне казалось, что по вечерам жители погружались в некий «теле-сон», ибо мало что соединяло реальную козельскую (читай: елецкую, бежецкую, другую) жизнь и так называемый «голубой экран».

Я беседовал с руководителями города и района — людьми опытными и еще молодыми, энергичными, полными желания сделать жизнь козельчан благоустроенней, светлее и счастливее. Проблем много, и узел их завязан, похоже, одним словом — бедность. Да, город беден: беден материально, а к тому же бесправен в одолении бедности, ибо все должно просить.

Конечно, есть в городе и районе крупные предприятия — механический, стекольный, молочный заводы, Сосенское объединение... Есть, с другой стороны, целый ряд филиалов, в сущности, не заинтересованных в развитии города, который для них только объект эксплуатации. Но, как пояснил мне предрик Новиков, до сих пор не установлены твердые и справедливые нормативы участия предприятий в местном бюджете. А нужд у города и района превеликое множество.

Хотелось бы сохранить своеобразие маленького городка, но время ставит новые индустриальные задачи. И, не решив их, в городе сегодня уже нельзя жить...

Начнем со стратегических, дорогостоящих. Необходим мост через Жиздру — действует пока что временный, деревянный (в марте его снесло ледоходом, пришлось восстанавливать). Кстати, Оптина пустынь готова материально участвовать в сооружении моста, а пока что монастырь возобновляет переправу там, где она была в старину.

Железная дорога пересекает, перерезает город; надо бы перевести ее на прежнее место или построить тоннель... Но средства для этого нужны огромные! Водоснабжение города держится «на одной нитке» водовода. Предстоит строить еще одну, иначе в любой момент Козельск может остаться без воды. Нужно 12 километров труб...

Намечена газификация города. Дело насущно важное для Козельска... Но и тут проект, сроки, средства, материалы... Все упирается в малые возможности малого города. Нужна помощь, и городу помогают — не только Москва и Калуга, но и другие центры России.

В течение ряда лет в Козельске почти не строилось нового жилья. Сейчас наметились какие-то перспективы, но очень и очень скромные по сравнению с очередями нуждающихся.

Не приходится и мечтать о скором возведении новой гостиницы. Козельск мог бы принять тысячи туристов, если бы нашлось, где принять. Мосгорэкскурсионное бюро уже готовит маршрут «Москва — Козельск — Оптина пустынь», но не знает, как и где разместить путешественников. Едва ли не главный капитал города остается неиспользованным.

Козельск строит новое здание для больницы. И пока что откладывается жизненно необходимыми для города и района строительством детсада. Нет возможностей, нет средств строить сразу и то, и другое!

Бедность... За мостом сворачиваю на лесную дорогу, иду сосновым бором, вдоль Жиздры. Ищу глазами раковую аллею, по которой из монастыря в город ходил Алеша Карамазов. Пусть это образ, это легенда, но ее уже не отделить от здешних мест.

Через Козельск проезжал А. С. Пушкин. В Козельске и Оптиной пустыни бывали В. А. Жуковский, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. К. Толстой, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, А. Н. Апухтин, Л. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев и другие выдающиеся деятели русской культуры. Какое созвездие в храме народной и всечеловеческой памяти!

Очертить единый образ Оптиной пустыни? Река, сосны, ракиты, храмы... Росчерком крыла в полете — от неба и до неба — так взмывают стрижи! Внезапно, слитно, мгновенно...

И все-таки я хочу вернуться на землю; мне хотелось бы посмотреть на Оптину со стороны Козельска, из-за Жиздры, и увидеть Козельск со стороны Оптиной, понять, как сегодня живут эти «два берега у одной реки», неразлучные и разделенные. Не только физически, географически, но и духовно, социально — два берега. Как они общаются? Что изменилось в их жизни?

В Оптину нет ни одного регулярного автобусного рейса из Козельска. Автобус довозит только до поворота, оставив навалывается и едет дальше. Остается немного, каких-нибудь два километра (да и можно возразить, что к святыне принято идти пешком). Но в Оптину немало людей: есть дети, старики, женщины; там, кроме местных жителей и насельников монастыря, есть строители, паломники... Необходим прямой рейс «Москва — Оптина пустынь»...

Мне показалось, что город вообще живет как-то стороне по отношению к Оптиной пустыни, к ее новому (старинному!) бытию. Если в Калуге, в одном из домов культуры, в мае этого года наконец-то состоялась встреча с настоятелем монастыря архимандритом Евлогием, который рассказал об истории и нынешней жизни святого места, ответил на вопросы собравшихся (полный зал), то в Козельске не нашлось места и времени для встречи, можно сказать, с соседями...

В минувшем году, в октябре, день города Козельска «случайно» совпал с большим церковным ритуалом — обретением мощей святого Амвросия... Так и шли они, два торжества, на двух берегах, никак не соприкасаясь...

На трибуне городского официального митинга, на площади у реставрируемой церкви Сошествия Святого Духа, не было ни одного священнослужителя, а ведь мог бы и выступить перед собравшимися деятель церкви. Разве Козельск вместе с воинами и горожанами не обороняли церковные пастыри? Разве в каждой из битв с врагами не участвовала так или иначе Русская Православная Церковь? Когда Батыево войско пошло на окончательный штурм Козельска, многие жители затворились в Успенском соборе и там погибли — в огне, с пением молитвы...

Обо всем этом мы словно бы забыли сегодня.

«У нас все нормально. Все проблемы решаются оперативно, в духе взаимопонимания», — отвечают в Козельском райкоме партии и в райисполкоме на вопросы об отношениях с Оптиной пустыней.

Но так ли это? Ведь Скит, сердце Оптиной, по-прежнему не возвращен монастырю, он все еще приписан к областному управлению культуры.

Пока в Оптиной пустыни царила поистине «мерзость запустения», музей в монастыре, в том числе в Скиту, выступал носителем культуры, защитником старины, хранителем церковных зданий и самого места — Оптиной пустыни. Но сейчас, когда явился подлинный хозяин, лишать Оптину пустынь ее сердца — значит выступать против культуры (не только против Церкви, что, впрочем, неразделимо). И это, в сущности, бесчеловечно, хотя оппозиция монастырю идет под флагом «культуры», «музея», «охраны памятников»...

Такой парадокс... Нет сомнений, что лучше пусть будет в церкви музей, чем склад или разорение, но если храм снова может стать храмом?.. Вот к этой логике мы сегодня не готовы. И я подумал, что если бы судьба Оптиной пустыни зависела от калужских и козельских властей (решение Москва принимала), то и донне там, наверное, преобладало бы СПТУ.

К сожалению, прекрасные, но полуразрушенные ансамбли Шамординского и Черноостровского монастырей не возвращены Церкви, как это подобало бы сделать в наши дни...

...Я вижу в Козельске и в Калуге в будущем кружок или общество «Друзья Оптиной пустыни». Два берега Жиздры обязаны стать неразлучными берегами единой реки отечественной культуры.

На углу двух центральных улиц — Большой Советской и Чкалова, или, говоря по-старому, Калужской и Крутецкой, на перепутье двух дорог — из Калуги и в Оптину пустынь, на здании аптеки мы видим запечатанную краской памятную доску: «Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой посещал козельские места в 1841, 1877, 1881, 1890, 1896 и 1910 годах, написал здесь ряд произведений».

Шесть раз побывал Лев Николаевич Толстой в Козельске и его окрестностях. Тульская земля здесь по соседству... Летом 1881 года Толстой вместе с крестьянином С. П. Арбузовым и учителем Д. Ф. Виноградовым пешком дошел из Ясной Поляны до Оптины, прожил тут несколько дней, виделся со старцем Амвросием, с монахами и крестьянами, вступал в споры, расспрашивал...

Радостны и поучительны всегда для Толстого были встречи с крестьянами. Еще сравнительно недавно в окрестностях Козельска, в селе Нижние Прыски, жили люди, помнившие Льва Николаевича. В августе 1896 года Л. Н. Толстой вместе со своей женой Софьей Андреевной побывал в Козельске и в Шамордине, где в женском монастыре жила сестра Льва Николаевича — Мария Николаевна.

Козельск, Оптина пустынь, Шамордино хранят память и о последнем путешествии Льва Николаевича в октябре 1910 года. До сих пор стоит в Козельске старенький, но очень милый железнодорожный вокзал, куда Толстой приезжал вместе со своим врачом и другом Душаном Петровичем Маковицием, вокзал, откуда он затем на поезде отправился дальше, скрываясь от родных. Он доехал только до станции Астапово...

Итак, Козельск и его окрестности участвовали в одной из величайших духовных драм русской и мировой культуры. Что же хранит здесь сегодня память о Льве Николаевиче Толстом? Увы, немного, если не считать мемориальных надписей да нескольких фотографий в краеведческом музее. Между тем сохранился дом (лишь отчасти перестроенный), в котором жила в Шамордине Мария Николаевна Толстая. Дом, в который входил Лев Николаевич.

Дом этот был в свое время куплен и перевезен в Козельск. Он стоит на углу улицы Мира, рядом с железной дорогой. Однако на нем нет мемориальной доски и дом не взят под охрану как памятник. Ни козельский музей, ни местное экскурсионное бюро, ни районное отделение Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры пока что, можно сказать, «не признали» его...

Когда приезжаешь, и не впервые, в маленький городок, то нет желания делить факты по разделам: вот экономика, вот культура, вот социальная сфера... Бросается в глаза и запоминается все вместе, и, вероятно, читатель готов произнести обидное слово, какое не хотелось бы произносить: «провинция». Ибо этой самой «провинциальности», разумеется, хоть отбавляй в столице, и дело не в удаленности от цен-

тра. Провинция, русская провинция — это по-настоящему оплот духовных ценностей, наша опора, это, как сказал поэт, «обличье человечье».

Речь о другом...

В беседах с местными работниками культурной, идеологической сферы мы постоянно приходили к общему выводу: проводим и предлагаем людям как будто бы много всего, но все это исходит от нас, от учреждений и организаций, а не от людей и не является результатом их самостоятельной творческой воли. Вот в чем, наверное, главная беда...

Говорю об уровне творческого мышления, определяемом и ограниченном той «зажатостью», какая, на мой взгляд, есть вообще в наших областных и районных буднях. Проявляется эта «зажатость» по-разному. Вот один из примеров.

Человек увлеченный, влюбленный во все живое, Василий Артемьевич Самойлов много лет посвящал тому, чтобы в городе был свой Дом природы. И вот он открылся — торжественно перерезана ленточка у входа, и теперь от экскурсий нет отбоя.

Но энтузиасту, видимо, мало помогали: в эпоху повсеместного уничтожения природы мы смотрим благостную экспозицию, состоящую из деревянных поделок, лирических пейзажей и просветительских пособий. Нет тревоги, не названы враги природы, не указаны адреса бедствий, нет современной экономической проблематики — на материале района, области, страны, мира. Дом природы должен быть местом, взывающим к защите природы, чтобы козельчане, особенно юные, побольше узнавали, какая опасность грозит земле и людям, а не просто созерцали натюрморты и плоды самодельности...

Вот другой энтузиаст, инженер-конструктор, изобретатель Юлиус Федорович Репман: он затеял интереснейшее дело — школьный кооператив при механическом заводе. Кооператив учебный и производственный одновременно, чтобы готовить из школьников профессионалов — слесарей-инструментальщиков, токарей, швей, закройщиков, которые в процессе учебы могли бы и что-то реальное создавать, и зарабатывать. Вместе с ребятами продумали устав и статус экспериментального кооператива «Витязь», долго ждали утверждения, потом оказалось, что не подобраны рабочие места, не определена система оплаты...

Девушкишили 100 пар рукавиц, а бухгалтерия не приняла счет, заявив, что школьницы слишком много заработали. Доверие к школьному кооперативу, к перспективному начинанию было подорвано, пусть на время, а время-то и дорого в учении и в работе. Ю. Ф. Репман с трибуны учительской конференции сетовал на препятствия, непонимание, на отсутствие поддержки...

Да, есть прибывающие свежие силы, но есть и «ограничители» социальной энергии народа. Они необязательно в каких-то запретах, но в некоем заданном «потоке», в «пределе» творчества.

И не случайно народ ценит людей, которые доказали, что они способны прокладывать путь перестройке и закреплять ее в жизни, в реальных достижениях. Козельчане избрали народным депутатом А. С. Полуэктова, а рабочие механического завода выбрали его теперь своим директором.

Мне кажется, что потряхнуть безразличие к своей социальной судьбе и отрешиться от безразличия к своим высшим духовным ценностям — задача единая. Это и означает обрести себя как народ, а не просто — сумму населения.

И чудится, что Козельск ждет, чтобы оделили город любовью, возвысили гордостью, чтобы ощутили в нем не просто еще один райцентр или место жительства, а саму Родину...

ГОРИМ...

Окончание. Начало на 4-й стр.

провести смотры самодеятельности художественного творчества военнослужащих и сотрудников воинских частей, подразделений и членов их семей. Предлагаем наряду с показом творческих достижений лучших самодеятельных исполнителей организовать в те же сроки выставки изобразительного искусства, декоративно-прикладных, тематических коллекций и т. д. Дату проведения смотров сообщить в политотдел УПО...

«Предлагаем провести целенаправленную разъяснительную работу по обеспечению активного участия личного состава подразделений в индивидуальной подписке, соблюдая при этом принцип добровольности... Об итогах подписной кампании доложить в политотдел УПО письменно до 25 сентября 1989 года...»

...Долгопрудненская улица, дом 1. Загорание в квартире на втором этаже. 11 часов 59 минут.

— Зеленоград. Загорание в квартире на первом этаже. 12 часов 3 минуты...

В штабной комнате отдыха сыннишка одного из сотрудников смотрит телевизор: показывают мультфильм о Прометее. Мимоходом заглядывает капитан, кивает на экран:

— Вот кто во всех пожарах виноват...

В штабном «рафике» тоже непрерывно работает рация.

— Шоссе Энтузиастов. Горит малярный цех завода «Прожектор». Загорание на площади сто квадратных метров...

Сто «квадратов» — это серьезно. Шофер включает мигалку, выходим на осевую. Никто в машине не шутит. Офицеры натягивают на себя боевую одежду. «Рафик» мчит, обходя поток машин.

Прибываем. Вокруг цеха — пожарные машины и толпа зевак. Суетится заводское начальство. Офицеры высказывают из «рафика», достают противогазы. С подполковником и прапорщиком спешим в цех.

В цехе картина, достойная фильмов Тарковского. Апокалипсис. Темноту прорезает свет прожекторов и фонарей. Сизый, удушливый дым. Кашляю. На полу пожарные рукава. Десятки туго заполненных рукавов. Воды по щиколотку. Капают сверху. Пожарные в космической одежде. Глаза воспалены, лица в копоти. Работают несколькими стволами. Огня почти не видно. Дышать невозможно. Пригибаюсь. Прапорщик: «Давай-ка, Сергей, а тебя выведу...»

Как сладок уличный воздух!

Наконец выходит подполковник. Лицо в гари, текут слезы. Берет рацию: «Пожар ликвидирован».

Сразу с «Прожектора» едем на Большую Ордынку: опять на заводе горит цех; потом на Малую Московскую: пожар в таксопарке; потом на мост, который оканчивается улица Вешняковская: опрокинулся бензовоз, разлился и загорелся бензин.

Возвращаемся в управление уже затемно. Заехали поужинать. Остается пятнадцать минут до закрытия. А буфетчица: «Хватит! Явились тут! Я целый день на ногах! Закрываю!» Капитан мне: «Пожарные бы так отвечали...»

Завариваем в управлении чай...

О чем говорят за вечерним чаем московские офицеры? Да о том же, о чем все офицеры (сужу по рассказам своих знакомых и по письмам в редакцию) от Бреста до Сахалина.

— Засекретились донельзя. Сейчас со спутника звездочки на погонах раз-

личают, а мы в игрушки играем. У каждого офицера свой радиопозывной, носим с собой шпалгалки, чтоб не запутаться. Нельзя говорить в эфире «погибший» или «пострадавший», а надо... Ладно, не буду выдавать военную тайну. А милиция на «соседней» волне шпарит открытым текстом: «Труп», «раненый»... От кого скрываемся? Все равно в «Добрый вечер, Москва!» все расскажут... Секретчикам надо свой хлеб отрабатывать...

— «Спит, как пожарный» — это жены придумали. Потому что пожарный приходит с дежурства выжатый как лимон и бухает спать...

— Социологи проводили у нас исследование. У нормальных людей — 160—170 рабочих часов в месяц, у нас — 400—420. А зарплата — чуть больше средней по стране...

— А как же (цитирую Гиляровского): «Каждый пожарный — герой, всю жизнь на войне, каждую минуту рискует головой». Неужели за риск не доплачивают?

— Доплачивают только за работу в противопогазе: она вредна для здоровья. Можешь получить десятку в квартал, но столько виз надо собрать, что почти никто этим не занимается.

— Приезжал к нам шеф пожарной охраны городка близ Сан-Франциско. Он получает 130 тысяч долларов в год, а рядовой американский пожарный — 3,5 тысячи в месяц. На одиннадцать мест в пожарной охране там претендовала тысяча человек... Есть из кого выбирать.

Чай не допили. На Таганке загорелась школа...

Знаете, сколько мы теряем от пожаров? Согласно официальной статистике, около 350 миллионов рублей ежегодно. Интересную ситуацию в США: там ущерб — около 6 миллиардов долларов. Может, социалистическая страна и в огне не горит?

Оказывается, «лукавая цифра» не учитывает пожары на шахтах, в лесах, на судах... Да и ущерб от огня, «подведомственного» МВД, занижается. Вот что пишут доктор технических наук, начальник кафедры Высшей инженерной пожарно-технической школы И. Абдурагимов и кандидат технических наук, старший преподаватель Н. Присяжнюк: «Статистика пожаров по-прежнему остается утешительно-приглаженной, обеспечивающей благоденствие местного, регионального и более высоких эшелонов административного и пожарного руководства. И так будет до тех пор, пока за число, размеры и последствия пожаров будут отвечать главным образом... сотрудники пожарной охраны». Эти же авторы полагают, что на самом деле наши потери в десять—двадцать (а то и более!) раз выше, чем это считается сейчас. А на обеспечение пожарной безопасности мы расходует (обратите внимание!) около 20 миллиардов рублей в год. Значит, «пожарный бюджет» соизмерим с затратами на образование и медицину!

Вспомню разговор с доктором технических наук, профессором Николаем Николаевичем Брушлинским:

— Вот смотрите: два графика. Красная линия — число погибших от огня в СССР, синяя — в США. У нас оно, число это, по годам растет (только в прошлом году погибло 8,5 тысячи человек), у них начиная с 1974 года падает: с 12 тысяч до 6 тысяч в 1985 году. Почему? Пятнадцать лет назад в Америке посчитали и ужаснулись: за годы вьетнамской войны в ней потеряли

в три раза меньше людей, чем за это же время на пожарах внутри страны. Срочно приняли федеральный закон об усилении борьбы с пожарами. Он предусматривал многое: и увеличение числа пожарных команд (сейчас в Нью-Йорке их в пять раз больше, чем в Москве), и повышение зарплаты бойцам с огнем («пожарный — самая опасная профессия в США в мирное время», — сказано в законе), и создание яркой противопожарной рекламы, и выпуск негорючей одежды, постельного белья, занавесок, мебели... Американский закон сыграл для них огромную роль... А вы знаете, что сейчас обсуждается Закон СССР о пожарной безопасности?... Нет? Я так и думал, об этом, пожалуй, никто, кроме нас, не знает. И непохоже, что будущий Закон, обсуждаемый среди «своих», что-то кардинально изменит... Необходимо создать комиссию Верховного Совета по борьбе с пожарами (аналогичная комиссия при конгрессе США — вторая по численности)...

Москва — единственный город в стране, где рядовые пожарные — солдаты срочной службы. Почему? Зарплата пожарных невелика, поэтому на «огненную работу» люди идут неохотно. Заместитель министра внутренних дел Ю. Д. Журкин пишет в ведомственном журнале: «...специалистов противопожарной обороны мы имеем лишь 57 процентов от потребного количества». И если где-то в провинции еще можно расчету приехать по вызову не в полном составе, то в столице такая роскошь nepозволительна. Вот и нашлась «палочка-выручалочка» — солдаты.

Вот только... Выучится парень, понюхает дым, наспокобится работать ствол, а тут и «дембель». Так и уходит на «гражданку» ребята, которые могли бы стать «тушилами» высокого класса. Взаем приходят новенькие, и их снова учи... Кто считал, во что это обходится?

В последнее время все чаще говорим о профессиональной армии. Не знаю, как войска сухопутные, воздушные, морские, а уж пожарные, уверен, в первую очередь должны быть профессиональными. Пожарным легче, чем иным войскам, изыскать деньги, не беря ни копейки из госбюджета. Как? (Дальнейшее — не мои дилетантские построения, я лишь попытался аккумулировать мнения специалистов ВНИИПО — Всесоюзного научно-исследовательского института противопожарной обороны и ВИПТШ — Высшей инженерной пожарно-технической школы.)

Пожарная охрана сегодня распылена по ведомствам. Своя — в Министерстве обороны, КГБ, лесном хозяйстве, угольной промышленности, на морском и речном флотах... — всего в 14 ведомствах. Не лучше ли объединить все службы (может, тогда выяснится, что где-то они дублируют друг друга, где-то и вовсе излишни) и сэкономленные средства пустить на повышение оплаты?

Далее: существует множество пожарных подразделений, которые содержатся за счет предприятий. А если упразднить их, собрать все силы в один профессиональный, хорошо оснащенный кулак? Да ввести «пожарный налог», который будет взиматься с каждого предприятия или учреждения? (Вот что, кстати, пишет практик — начальник специальной военно-пожарной части-10 В. Платонов из Бендер: «...В стране большое количество пожарных, а имеющих необходимое оснащение и выучку для решения сложных задач, наверное, процентов 30, не больше».)

«Пожарный налог» и сокращение не особо нужных подразделений и дадут необходимые для увеличения зарплаты деньги...

Когда рота заканчивает работу на пожаре, принято говорить: «Возвращаемся домой». Каков он, дом московских пожарных?

Видел с десятком караулов. Все они очень похожи. Гараж для машин, караульное помещение, Ленинская комна-

та, столовая, душ с холодной водой. Везде чисто, висят положенные плакаты и призывы, и... очень казарменно. Повидавшие пожарные говорят: «В Москве самые неудобные помещения рот». Почему? «Солдатам не до уют, им скорей бы «дембель».

В одном карауле я пробыл сутки. Вот хроника вечера и ночи.

18.50. Солдаты отбавывают вязку спасательных узлов. Тревога! Через минуту все одели боевую одежду, сидят в машинах. Мчимся. Приехали. Все спокойно, начкар — в рацию: «По внешним ничего, ведем разведку». Все осматрели. Начкар: «Вызов ложный». (Для сведения: один выезд пожарных по тревоге обходится в 150—200 рублей.)

21.05. Арбат, 45. Поливают мусор во дворе. Пожарные переворачивают контейнеры, шерудят там ломом (раньше этого не делали, но однажды в горящем мусоре был обнаружен труп). За три минуты большой контейнер «задавили»...

Только вернулись, заправились водой, как новый вызов — опять Арбат, 45, горит мусор (21.38). Дымились другие контейнеры. Кто-то развлекается, поджигает...

22.41. Опять тревога, Собиновский, 9, ложное срабатывание автоматики.

На обратном пути цитирую солдатам: «Возвращаясь с огненным батальи, вымокшие и уставшие, пожарные оказывались в изнурительных условиях казарменной жизни и ежедневной муштры. В тесных и душных казармах проходили долгие годы службы пожарного. С утра до глубокой ночи пожарные были заняты строевой и казарменной службой, уборкой помещений, уходом за лошадьми, чисткой касок, поясов, амуниции и залитых труб, колкой дров, чисткой печей... Только раз в месяц, если на то было соизволение брандмейстера, пожарный мог отлучиться на несколько часов из казармы»... — пассаж из книги «Пожары — катастрофы», посвященный, как вы понимаете, дореволюционным временам. Ребята посмеиваются: «Похоже...» Спрашиваю: «Когда в последний раз были в увольнении?» — «Я еще не был» — «Давно служишь?» — «Пять месяцев» — «И я не был. Служу восемь месяцев».

...Наконец ложимся. Одежду и сапоги никто не снимает. Рука под голову, укрыты шинелями. Мне не спится.

00.02. Тревога! Учебная. Все спешат еще больше, чем на настоящий пожар. Через 45 секунд сидят в машинах. Спрашиваю у капитана — дежурного по батальону, который проводил тревогу: «Не лучше ли дать людям поспать?» — «Если бы они были профессионалами, можно и поспать. А в роте много молодых, их учить надо...» Все снова ложатся, а капитан устраивает разгон начкару: «Почему дремал диспетчер?!» А диспетчер в карауле седьмые сутки подряд...

(Солдатам положено дежурить сутки, двое суток — отдыхать. Но личный состав то и дело снимают на хозяйственные работы... А с июля пятьсот пожарных надо ежедневно откомандировывать в распоряжение милиции. Ходят мальчишки в милицейской форме по городу, без пистолетов, без дубинок — создают видимость усиления борьбы с преступностью...)

1.53. Тревога! Горит выселенный дом по улице Осипенко. Вот здесь я насмотрелся на пожарных в действии. Обстановка преисподней: огонь, удушливый дым, вода со всех сторон. Пожарные высаживают двери, крушат ломами деревянные стены (по ним огонь может уйти на другие этажи), и он все-таки уходит, снова ломают двери и крушат перегородки... Возвращаемся «домой» в полпятого утра. Уже не до сна. Солдаты раскладывают рукава для сушки, перезаряжают противогазы, смывают с лиц гарь...

Вернувшись с дежурства, я проспал шестнадцать часов. Сын: «Ну, папа, ты и спишь!» Я промывал спросонком: «Как пожарный»...

Алексей АЛЕКСЕЕВ,
кандидат исторических наук

Э тот некролог в «Комсомольской правде» занял мало места. «...на семьдесят шестом году жизни после тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1930 года Николай Александрович Михайлов». Скупые строки биографических сведений, трафаретное «светлая память навсегда останется в наших сердцах», и подпись — «группа товарищей». Чувствовалось стремление сделать событие малозаметным. А ведь речь шла о человеке, четырнадцать лет — больше, чем кто-либо другой, — возглавлявшем комсомол!

...Заканчивался май 1982 года. За несколько дней до этого завершился XIX съезд ВЛКСМ. Михайлов присутствовал там в качестве почетного гостя. Торже-

трудно; в городах бродили сотни тысяч безработных подростков. Только в 1925 году удалось попасть на завод «Серп и молот». В листопрокатном цехе познакомился с будущей женой. Здесь в заводской многотиражке опубликовал свой первый рассказ, в 1928 году получивший главную премию на районном комсомольском конкурсе. Потом вышли и небольшие книжки о заводе.

Мечтал стать журналистом. Отслужив в армии, редактировал многотиражки крупнейших заводов — своего родного, а затем «Динамо». В начале 1937 года Московский комитет партии направил его в редакцию «Правды», которую в то время возглавлял Л. Мехлис. Адская машина репрессий набирала обороты. Были арестованы многие редакторы молодежных газет, в том числе и «враг народа» редактор «Комсомолки» В. Бубекин. На место уничтоженных или отправленных в заключение людей приходили новые. Для кого-то это было время стремительного продвижения вперед. И для Михайлова — тоже. В декабре 1937 года его назначили редактором «Комсомольской правды»; он заменил Никитина, продержавшегося на этом месте всего четыре месяца.

Дочь Н. А. Михайлова Светлана Николаевна вспоминает: «Отец рассказывал, как однажды он пришел на работу

крытую дверь кабинета... Это сейчас, в 89-м, в нем еще живет страх. А тогда...

В ноябре 1938 года неожиданно для всех редактора «Комсомолки» Николая Михайлова избрали первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Это произошло на том самом печально известном пленуме ЦК, разгромившем руководство комсомола.

Михайлов никогда не думал, что станет комсомольским работником. И что самое интересное: в рядах ВЛКСМ не состоял, в 1930 году сразу вступил в партию. Комсомольский билет ему — впервые — в срочном порядке выписывали ночью перед избранием первым секретарем...

Почему выбор пал именно на Михайлова?

Можно только предполагать, что его выступление на пленуме — с критикой Косарева и стиля работы ЦК — понравилось Сталину или кому-то из присутствовавших членов Политбюро — Жданову или Молотову.

«Я вынужден заявить о том, — говорил Михайлов на пленуме, — что вчерашнее выступление Косарева свидетельствует о его политическом банкротстве. Я думаю, что моя прямая ошибка как члена бюро ЦК... заключается в том, что по многим вопросам мне надо подходить еще острее, чем это

что касается наследства, полученного новым первым секретарем. «Канцелярщина и бюрократизм аппарата сказываются в принятии обильного количества решений, исполнение которых никто потом не проверяет», — говорил Михайлов в июне 1940 года на пленуме ЦК ВЛКСМ. Намечалась реорганизация аппаратов комитетов, двойное сокращение численности платных работников. Но началась война...

Известие о начале войны не вызвало у бригадного комиссара Михайлова (звание он получил в тридцать девять лет) растерянности, паники или депрессии. Было воскресенье, но работники ЦК собрались в считанные часы. Многие из них направились в области и республики помогать комсомольским организациям. Михайлов в тот же день поехал по райкомам, на предприятия Москвы, которые уже осаждали молодыми добровольцами.

По инициативе ЦК комсомола открывали школы снайперов, радистов, подрывников; создали комсомольский авиационный полк, особую бригаду для диверсионной, разведывательной и боевой деятельности в тылу врага, в которую вошло немало прославленных спортсменов, женскую снайперскую школу под Москвой.

Однажды позвонил Сталин и спросил:

Военные годы. Митинг. Николай Михайлов (справа).

...ПОД БУРНЫЕ ПРОД

ственно-парадно звучал отчетный доклад ЦК, звенели здравицы в адрес «выдающегося политического и государственного деятеля современности, пламенного борца за мир и коммунизм, мудрого наставника молодежи...». Бурные аплодисменты переходили в овацию, рукоплескали стоя...

Можно лишь догадываться, что было на душе у Михайлова. Уж очень это напоминало весну 1949-го! На XI съезде комсомола он, тогда первый секретарь ЦК ВЛКСМ, произносил почти те же слова, только в адрес другого человека. «...великий продолжатель дела Ленина, вождь коммунизма, мудрый учитель и лучший друг советской молодежи (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают.)».

Что думал Михайлов, слушая сияющего 48-летнего первого секретаря ЦК комсомола, обращавшегося с речью не к залу, а лично к Леониду Ильичу? Он глядел на дряхлого лидера государства, своего ровесника, на бойких, гладкощеких выступающих в веселом театризованном представлении, именованном XIX съездом комсомола, и понимал, что этот сценарий написан без его участия...

Он родился и вырос в Москве, на Таганке. Отец имел маленькую сапожную мастерскую, неплохо зарабатывал, но деньги пропивал. Семья жила в сыром полуподвальном помещении. До революции Николай закончил четырехклассное церковноприходское училище, поступил в школу второй ступени. Однако обучение не завершилось: на иждивении отца сидело еще пятеро детей. Устроиться на работу было очень

и вдруг обнаружил, что одного из сотрудников редакции нет — пропал. Отец столкнулся с этим впервые. Он пытался куда-то звонить, выяснять, а ему говорят: «Не ваше дело. И никогда больше не задавайте таких вопросов». Он очень долго верил, что «враги народа» есть, что зря не берут». Тогда многие верили...

Утопая в информации о сталинских репрессиях, мы стали делить людей, живших в то время, исключительно по одному признаку: если человек — будь то партийный, комсомольский работник или просто служащий — уцелел, выжил, значит, пошел на компромисс с совестью; а если при этом еще и занимал высокий пост — значит, способствовал беззаконию — преступник. К счастью, это не так. Все были одинаково беззащитны перед системой, и никого не спасали ни звание, ни должность, ни былые заслуги.

Александр Косарев был любимцем Сталина, но его расстреляли. Михайлов в любимцах не числился, но остался жить. По свидетельствам людей, работавших с ним вместе, доносов он никогда не писал. Но вот в 1949 году, когда по «ленинградскому делу» был арестован инспектор ЦК ВКП(б) Всеволод Иванов, который в послевоенное время работал вместе с Михайловым в ЦК ВЛКСМ вторым секретарем и жил с ним в одном доме, и они дружили семьями, Михайлов даже перестал здороваться с его женой. Боялся? Наверное, боялся. Недавно я разговаривал с пожилым историком, которого тогда исключали из партии и арестовывали, — он все время с опаской поглядывал на непри-

я делал. Вместо критики в ЦК ВЛКСМ насаждались самоуспокоенность и зазнайство. Я думаю, тов. Косарев, вы здесь играли не последнюю роль... Куда годится такое положение, когда вы звоните в редакцию газеты («Комсомольской правды» — А. А.) и спрашиваете: «Слушайте, а почему меня нет на трибуне, руководители партии есть, а меня нет?» (Имеется в виду фотография во время парада 7 ноября. — А. А.)... Можно ли сказать, что в ЦК ВЛКСМ уже все люди потеряны? Я не знаю, как насчет т. Косарева, сумеет ли он после этой критики возглавить руководство комсомола, но не все люди там потеряны... Надо... чтобы администрирование... одергивания не было в ЦК комсомола... Центральный Комитет и его отделы слишком далеки от передовой советской молодежи...»

Не обошлось, наверное, и без рекомендации Мехлиса, под началом которого Михайлов еще недавно работал. Но надо учесть и то, что он был одним из немногих членов бюро ЦК ВЛКСМ, оставшихся в живых или на свободе. (Из 93 членов Центрального Комитета, избранного на X съезде в 1936 году, репрессировано 72, из них 48 расстреляно.) К тому же Михайлов был энергичен, подтянут, спортивен, отличался высокой организованностью и работоспособностью. Он, как магнит, притягивал людей. Вряд ли кто в аппарате ЦК, да и вообще среди комсомольских работников мог тягаться с ним в эрудиции, разве что Всеволод Иванов.

К концу 30-х комсомол утратил свою самостоятельность. Аппарат союза разбух до невероятных размеров. Это —

— Может ли комсомол дать фронту сто тысяч отборных бойцов?

— Может, — ответил Михайлов. — В какой срок это нужно?

— Через две недели.

Спустя десять дней сто тысяч обмундированных добровольцев уже было сосредоточено в местах дислокации. Почти все — члены ВЛКСМ. За годы войны комсомол провел 73 мобилизации.

Работа с утра до глубокой ночи, краткий сон — часто прямо в кабинете, поездки на фронт или к партизанам — такой был ритм жизни всего ЦК и его первого секретаря.

Когда Михайлов узнал о подвиге краснодонцев, он обратился к Александру Фадееву, с которым был знаком еще с конца 20-х годов. Поначалу Фадеев сомневался — получится ли? Но ознакомившись с материалами, полученными в ЦК, сказал: «Такой материал даже камень может растопить. Попробую писать». В семейной библиотеке Михайловых хранится первое издание «Молодой гвардии» с благодарственным автографом писателя.

Комсомол вышел из войны ослабленным. Сильно сократилась его численность, тысячи опытных вожаков погибли. Тринадцать лет не собирался съезд. Очень трудно было восстанавливать организации на бывших оккупированных территориях. ЦК ВЛКСМ дал жесткую установку на рассмотрение персональных дел комсомольцев, оставшихся в районах, занятых немцами. К сожалению, многие из этих ребят так и не были восстановлены в комсомоле... Зашоренный рамками системы, Ми-

ОМЖИТЕЛЬНЫЕ...

Михайлов не видел или не хотел видеть, как деформировалась ленинская концепция союза молодежи и его взаимоотношений с партией. Став первым секретарем ЦК ВЛКСМ, не имея опыта комсомольской работы, он воспринимал союз молодежи таким, каким тот сформировался к концу 30-х годов. Другого не знал и вряд ли думал о возможности перемен в нем.

Раиса Тимофеевна, жена Михайлова, вспоминает: «У Николая было какое-то чувство, не позволяющее ему делать и говорить что-то большее, чем официально было поручено. Все, что связано с решением партии, было для него свято».

Действительно, первый секретарь ЦК ВЛКСМ твердо усвоил сталинское: «Комсомолец должен помнить, что обеспечение руководства партии есть самое главное и самое важное во всей работе комсомола». Да, он был прекрасным исполнителем указаний сверху...

Все время ловлю себя на мысли: мне хочется, чтобы Михайлов хоть раз поступил вопреки воле Сталина, послушался!.. И в то же время думаю: не много ли требую от него, винтика, пусть не последнего, важного, но все-таки винтика в гигантском механизме системы?..

В послевоенные годы за комсомолом прочно утвердилось название Ленинско-Сталинский. В разработку анти-исторической концепции роли Сталина в комсомоле значительную лепту внес и Михайлов. Еще во время войны, на праздновании двадцатипятилетия ВЛКСМ, он заявил, что комсомол осно-

вали Ленин и Сталин. Потом этот тезис развил в своей брошюре «ВКП(б) — организатор и руководитель комсомола», вышедшей в 1948 году. Несколько позже появилось утверждение, что якобы под непосредственным руководством Сталина были разработаны организационные основы комсомола и что вместе с Лениным он «направлял работу I съезда РКСМ»...

В войну и после нее Сталин уделял комсомолу гораздо меньше внимания, чем раньше, с руководителями ВЛКСМ не встречался. Михайлов не был близок к Сталину, как, например, Косарев, и не мог, как тот, связываться с генсеком по прямому телефону. Но авторитет Сталина был для него непререкаем. Николай Красавченко, секретарь Московского горкома комсомола в 1943—1950 годах, вспоминает, как однажды возмущенный Михайлов возвратился с заседания Секретариата ЦК партии и восторженно рассказывал собравшимся членам бюро о том, что Жданов призывал комсомол воспитывать молодежь в духе фанатической преданности Сталину...

Будучи членом Оргбюро ЦК ВКП(б), Михайлов чаще всего общался с А. А. Андреевым, Г. М. Маленковым, А. А. Ждановым и через них решал вопросы, связанные с комсомолом. Но больше, чем с кем-либо из других руководителей, встречался с М. И. Калининым.

В последнее время о «всесоюзном старосте» говорят в ругательном тоне. Но тогда Калинин в глазах молодежи имел очень высокий авторитет: он был одним из немногих старых большевиков-ленинцев, на котором не стояло клеймо «врага народа».

Изучая документы ЦК комсомола тех лет, встречаясь с людьми, хорошо знавшими Михайлова, читая его книги, пытаюсь определить собственное отношение к нему. По каким поступкам вправе я ставить ему оценку?...

Во второй половине 40-х годов развивались международные связи комсомола, авторитет его за годы войны очень вырос. Осенью 1945 года Михайлов возглавлял нашу делегацию на Всемирной конференции молодежи в Лондоне. Он же был одним из инициаторов и организаторов всемирных фестивалей молодежи и студентов.

Это с одной стороны. А с другой — когда после войны часть «комсомольских низов» уже не хотела следовать в фарватере сталинизма, то, конечно же, подавление таких настроений происходило не без ведома Михайлова. Он был достаточно умным и образованным человеком, чтобы понимать всю нелепость происходящего, но идти против системы не мог. Став органической ее частью, он должен был принять ее правила, подчиняться им.

В послевоенные годы комсомол втянут в кампанию борьбы с космополитизмом, и это в первую очередь ударило по творческой, научной интеллигенции и студенчеству. ЦК ВЛКСМ принимал разгромные решения, осуждавшие так называемую «безыдейщину», «преклонение перед иностранщиной»...

С одной стороны, по инициативе ЦК ВЛКСМ, и в первую очередь самого Михайлова, стали проводиться всесоюзные совещания молодых писателей. С другой — первый секретарь ЦК ВЛКСМ мог волевым решением запре-

тить выход любой книги молодого автора.

В октябре 1952 года Михайлов был утвержден секретарем ЦК КПСС и введен в состав расширенного президиума ЦК, избранного XIX съездом партии. Так высоко до него не поднимался ни один руководитель комсомола. Как первый секретарь Московского горкома партии, он в качестве члена Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое возглавлял маршал И. С. Конев, участвовал в рассмотрении и вынесении приговора по делу Берия, более того — был непосредственным свидетелем его расстрела.

Вскоре после того, как к власти пришел Н. С. Хрущев, Михайлов был назначен министром культуры. Кинорежиссер Ю. Райзман, закончивший в ту пору съемки «Коммуниста», рассказывал, как неожиданно возникли сложности с утверждением названия фильма. Время было трудное, жилось скудно, но появились первые надежды на духовное обновление. Нужен был герой — олицетворение этих надежд — коммунист. Но почему-то именно такое название вызвало нарекивание наверху. И основная борьба шла с Михайловым. Могли вообще «закрыть» фильм. Однажды во время большого приема в Кремле Микоян представил Хрущеву Райзмана, сказав, что «это тот самый режиссер, картину которого мы на днях смотрели». Хрущев похвалил фильм. «Мы бы хотели назвать его «Коммунист», — сказал Райзман. «А что, — отозвался Хрущев, — хорошее название». Михайлов, слышавший этот разговор, подошел к режиссеру и, полюбывая за плечи, спросил: «А не подумать ли нам о второй серии «Коммуниста»?..»

Отношения с Н. С. Хрущевым поначалу складывались хорошо. Их дачи были по соседству, и Никита Сергеевич нередко звал Михайловых к себе. Но шло время, Хрущев менялся, процессы, происходящие в культуре, все чаще вызвали его недовольство.

И в 1960 году Михайлов с поста министра культуры был отправлен послом в Индонезию. А когда вернулся, во главе партии стоял уже Л. И. Брежнев. Михайлов не писался в окружение нового лидера.

В 1970 году, накануне открытия первой Международной книжной ярмарки в Москве, инициатором и организатором которой был Михайлов (в то время председатель Комитета по печати при Совмине СССР), он зашел в кабинет М. А. Суслова, чтобы попросить того выступить на открытии выставки.

— А при чем здесь вы? — надменно произнес Суслов. — Разве вы не знаете, что с завтрашнего дня находитесь на пенсии?..

...Михайлов написал несколько книг, множество статей об истории комсомола, о людях, с которыми дружил и кого хорошо знал, — Маршак, Фадеев, Гайдаре. В его архиве много писем от комсомольцев. Можно по-разному относиться к этому человеку, волею судьбы оказавшемуся во главе комсомола в трудные для страны годы. Сложным было время, неоднозначными были и его поступки, но бесспорно одно: он, как и многие другие, оставаясь человеком системы, искренне верил в правомерность ее законов.

Петр ХМЕЛИНСКИЙ

Ничто не предвещало катастрофы. Положение нашей страны представлялось пока прочным. К октябрю 1939 года японцы уже не проявляли никакой воинственности после недавнего разгрома на Халхин-Голе, устроенного им комкором Г. К. Жуковым; немецкие фашисты были заняты войной на Западе, а по отношению к СССР демонстрировали лояльность; Польша стерта с карты мира; в Эстонии, Латвии и Литве размещались гарнизоны Красной Армии.

Простые советские люди не знали, что в первых числах октября Молотов предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, аналогичный только что заключенным договорам с тремя государствами Прибалтики, но финское правительство, ссылаясь на свой «абсолютный нейтралитет», отказалось. Тогда Москва предложила иной предмет для переговоров: предоставление нашей армии и флоту финских портов и изменение границы. Обсудить эти вопросы финская сторона согласилась, и переговоры начались.

Первым тревожным сигналом стала речь Молотова в Верховном Совете 31 октября. Сессия была созвана, чтобы юридически оформить присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Неожиданно Молотов заявил: «В особом положении находятся наши отношения с Финляндией». Не стал расшифровывать, что такое «особое положение», но посвятив этим отношениям пятую часть своей большой речи. Он сделал открытие: советско-финская граница «нависла» в 32 километрах над Ленинградом, и с этим нельзя мириться. Потом добавил: «Я напомню, что население Ленинграда достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению всей Финляндии, насчитывающей 3 миллиона 650 тысяч жителей. (Веселое оживление в зале)». Оратор также опроверг сообщения западной прессы, будто СССР требует себе город Випури (Выборг) и северную часть Ладожского озера: «это чистый вымысел и ложь».

Упомянув, что Турция заключила пакт о взаимопомощи с Англией и Францией, направленный против Германии, Молотов коротко и туманно заявил: «Не пожалеем ли об этом Турция — гадать не будем. (Оживление в зале)». Было сделано также знаменитое заявление о «преступности» войны против гитлеризма.

А в то же время в Финляндии объявили мобилизацию двадцати пяти возрастов, в Хельсинки ввели затемнение и начали эвакуацию жителей, было объявлено о займе обороны и начато минирование территориальных вод. Министр иностранных дел Эркко 1 ноября заявил: «Требование СССР касается якобы отдаления границы у Ленинграда на несколько километров. Но с точки зрения Финляндии, это русский империализм... Всему есть свои границы. Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза...»

Наши новоиспеченные друзья-фашисты не высказывали солидарности и не стали портить отношения с Финляндией, подобно тому, как Сталин бесстрашно портил ради них отношения с Англией и Францией.

На время все стихло. Советско-финские переговоры продолжались. Наступили Октябрьские праздники. На торжественном заседании в Москве вновь выступил Молотов. На этот раз о Финляндии он умолчал.

Не случайно Молотов выходит на первый план. Было сделано все возможное, дабы военные и дипломатические акции конца 1939 года ассоциировались именно с ним, а не со Сталиным.

И хотя все ключевые решения по-прежнему принимались лично Хозяином, Молотову была предоставлена честь окантовать автором самых скользких речей и документов.

Тем временем в середине ноября в советско-финских переговорах был объявлен перерыв; финская делегация вернулась из Москвы в Хельсинки, где уже были закрыты многие школы, не горели огни по ночам, число финских дивизий на Карельском перешейке увеличилось с трех до семи.

По свидетельству А. М. Василевского, где-то в эти дни «Сталин, созвав Военный совет, поставил вопрос о том, что раз так, то нам придется воевать с Финляндией... Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников (начальник Генштаба Красной Армии.— П. Х.) доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов... он предполагал сосредоточение больших сил и средств... Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств... В них нет никакой необходимости».

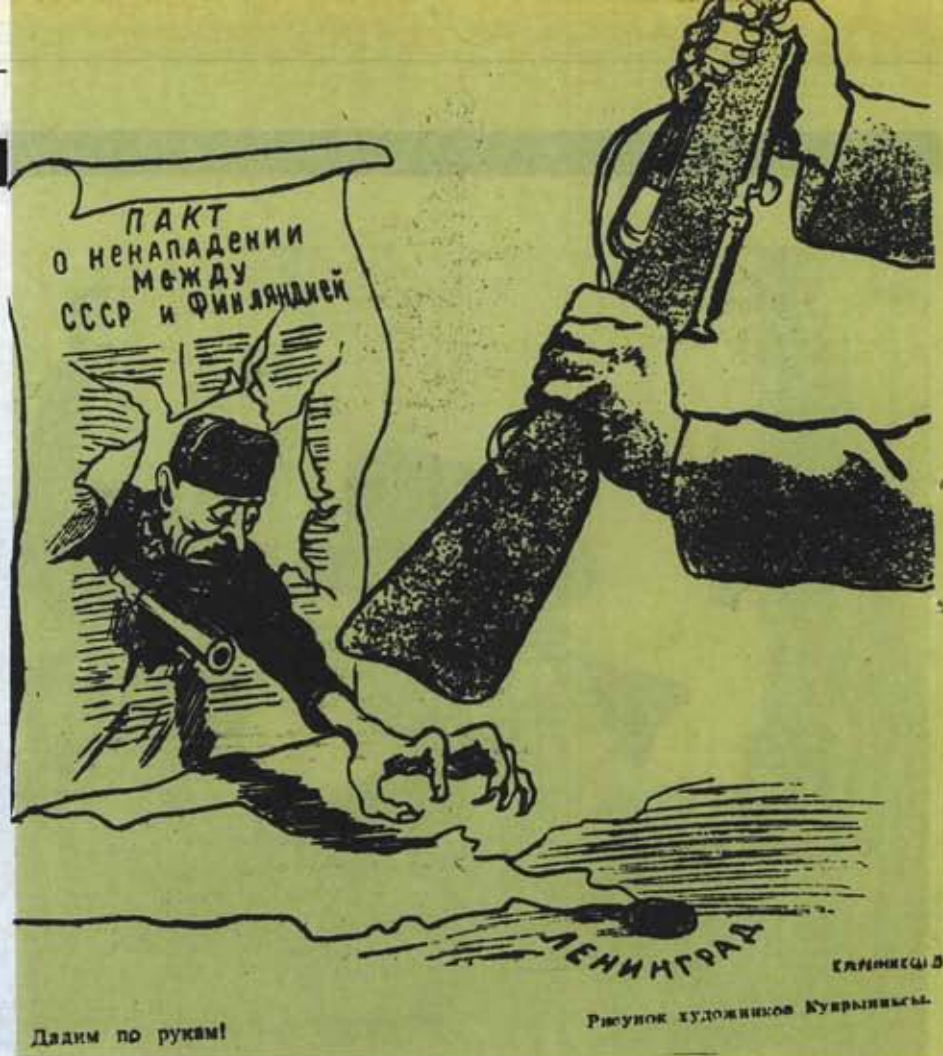
Операция была целиком поручена Ленинградскому военному округу. Шапошников Сталин отправил в отпуск в Сочи, а многих других его работников — в инспекционные поездки. 19 ноября отмечалось 20-летие Первой Конной. Семен Михайлович Буденный в огромной статье в «Правде» назвал конницу «решающей силой» в современной войне. Обращаясь к бывшим бойцам Первой Конной, он призывал: «Держите, товарищи, порох сухим, возьмите свои клинки, готовьте коней к большим боевым походам...» В передовой статье «Слава советской коннице!» «Правда» писала: «Красная конница за годы передышки (выделено мной.— П. Х.) проделала огромную работу по совершенствованию своей боевой и политической подготовки».

23 ноября финский премьер-министр Каяндер выступил с речью, в которой помянул добрым словом политику русских царей Александра I и Александра II по отношению к Финляндии, а о Советском Союзе сказал так: «Поскольку на переговорах трудно было найти общую платформу, они пока прервались. Об этом следует сожалеть, так как Финляндия искренне желает поддерживать хорошие отношения со всеми соседями».

День 26 ноября стал поворотным. Вечером была обнародована нота Молотова, переданная финскому послу. В ней сообщалось, что сегодня в 15 часов 45 минут в одном километре северо-западнее села Майнилы с финской стороны было произведено 7 оружейных выстрелов по советской территории, в результате чего убито 3 красноармейца и 1 младший командир, 9 человек ранено. Советские войска «воздержались от ответного обстрела», сообщил Молотов. «Советское правительство вынуждено констатировать,— говорилось в ноте,— что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам».

Советское правительство «не намерено раздувать этот возмутительный акт». Однако в ноте содержалось требование об отводе финских войск на 20—25 километров от границы. В тот же час по всей стране начались митинги на предприятия.

Но вот что произошло незамеченным: яростная пропагандистская кампания стартовала не после выстрелов у Май-

Даем по рукам!

Рисунок художников Кувряевых.

ОТВЕТНЫЙ УДАР?

нили, а до них. Еще утром. «Правда» вышла с редакционной статьей на первой полосе «Шут гороховый на посту премьера» — о Каяндере. «Скоро, должно быть, Каяндер будет иметь возможность убедиться на деле, что дальновидными политиками являются не марионетки из финляндского правительства, а нынешние руководители Эстонии, Латвии, Литвы, заключившие пакты о взаимопомощи с СССР. И все-таки не уйти каяндерам от ответа, которого требует все более настойчиво финляндский народ...»

И лишь спустя полдня после появления этой статьи раздались выстрелы и погибли люди у Майнилы.

Митинги и собрания шли по всему Союзу. «Грозен гнев советского народа», «Горе тем, кто встанет на нашем пути», «Краснознаменный Балтийский флот готов сокрушить врага... Напряжение нарастало. 27 ноября появился лозунг: «Терпению есть предел», а 28-го уже: «Нашему терпению приходит конец!»

28 ноября финский посол А. С. Ириекоскинен передал Молотову ответную ноту. В ней говорилось, что с финской стороны видели взрывы 26 ноября между 15.45 и 16.05 у Майнилы, так как село находится в 800 метрах от грани-

цы за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука финны считают, что орудия находились на советской территории примерно в 1,5—2 километрах на юго-восток от места разрыва.

В финской ноте утверждалось: «Орудий такой дальности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе». Что касается отвода войск от границы, финское правительство готово начать переговоры об их обоюдном отводе.

Ответ Молотова последовал немедленно. Финское правительство обвинялось в стремлении «довести до крайности кризис в отношениях между обоими странами», «ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». «Требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящее формально из принципа равенства сторон, избличает враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой».

На предложение о совместном расследовании Молотов не ответил ничего. Заикаясь на слове «себя», он заключил: «Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от

обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией...»

Из Хельсинки последние составы с резервистами уходили на восток. По всему Союзу продолжались митинги.

Ровно в полночь (!) 30 ноября по радио выступил Молотов. Он сообщил, что наши официальные представители отозваны из Хельсинки, а Красной Армии дано распоряжение «пресекать вылазки» врага.

Услужливый враг тут же совершил вылазки: наутро объявили, что в эту ночь финская пехота трижды переходила границу и атаковала советские деревни, а в 8 часов наши войска перешли финскую границу. Но в последовавших затем репортажах один из корреспондентов проболтался и описал **ночную атаку Красной Армии 30 ноября: «Снаряды вьются и рядом с границей и в глубине финских лесов, освещая небо яркими, как молния, вспышками»** (выделено мной. — П.Х.).

Наступление началось **не только** на Карельском перешейке (о чем нам скороговоркой сообщает официальная история), но фактически **на всем протяжении** советско-финской границы — на Ледовитом океане был атакован финский порт Петсамо, между океаном и Ладожским озером наши войска двинулись на запад, сквозь болота и тайгу, на четырех направлениях: Ухтинском, Реболском, Поросозерском и Петрозаводском.

И с самого начала война пошла не так, как ожидалось.

Вот как описывает события один из очевидцев, Николай Вирта: «Едва нога первого красного бойца встала на территорию Суоми, раздался взрыв. Мина! Кавалерист ехал вдоль деревни, выстреливая врага. Взрыв. Искалеченная лошадь бьется на дороге. Мина! Дорогу перерезает ров, выкопанный финскими солдатами. Красные бойцы получили приказ засыпать немедленно ров и пропустить колонну танков. Как только в яму полетели первые куски мерзлой земли, раздался грохот. Взорвалось разом несколько мин... Белофинны собралась воевать с нами давно и готовились к этой войне долго. Все свидетельствует об этом...»

Наши войска движутся большими массами. Внезапно в тылу возникают финские снайперы или пулеметчики, атакуют и уходят: «В лесах, в кучах сосновых ветвей, в снежных сугробах прятются белофинны, озлобленные, как волки».

Карельский перешеек был хорошо оборудован для обороны, и продвижение Красной Армии затормозилось еще перед «линией Маннергейма». Не меньшая трагедия ожидала красноармейцев, наступавших в карельской тайге. В заранее намеченных местах, в сосновых краях вокруг лесных полей висели гамаки, с которых финские автоматчики расстреливали просматриваемые как на ладони колонны красноармейцев. Но в Кремле ничего не хотели знать. У Сталина и его верных соратников были дела поважнее.

Митинги в связи с историческим полуночным выступлением Молотова начались на заводах в 3 часа утра. Можно ли выражаться еще воинственней после всего, что уже было сказано? Оказывается, можно. «Не проснута финским свиньям свое рыло в советский огород!» — писала «Правда».

На следующий день появилось «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии (радиоперехват, перевод с финского)». По стилю и композиции этого очень большого документа видно, что его автором являлся лично Иосиф Виссарионович.

В обращении содержалось не менее десятка призывов к свержению финского правительства: «...теперь пришел конец терпению нашего трудового народа. Пусть это презренное правитель-

ство... будет последним правительством капиталистов и помещиков Финляндии».

А вот и программа действий для трудового народа: «Необходимо создать широкий **трудовой народный фронт**... а к власти необходимо выдвинуть опирающееся на этот фронт **правительство трудового народа**, т. е. **народное правительство**». Этому (еще не существующему) правительству предлагается начать с неожиданно смелого шага: «Обратиться к Правительству СССР с предложением удовлетворить вековую национальную мечту финского народа и воссоединить с Финляндией районы Советской Карелии».

И что тогда? «Мы имеем основания надеяться, что если установим с Советским Союзом дружественные отношения, Советский Союз удовлетворит такое предложение». Еще не известно, из кого будет состоять народное правительство, на какие силы ему удастся опереться, какую политику оно станет проводить, но уже ясно, что СССР «отстанет» ему кусок своей земли! Сделан и еще один прогноз — уже не дипломатический, а военный: «Смешно даже думать, что генералишки финляндской армии могли бы устоять перед Красной Армией».

После первого дня боев было объявлено, что наши войска продвинулись на 10—15 километров от границы; затем каждый день в сводках эта цифра равномерно увеличивалась: 20—25 километров... 30—35... 40—45...

1 декабря в поселке Териоки, занятом в тот день Красной Армией, было образовано Народное Правительство Финской Демократической Республики во главе с Отто Куусиненом (впоследствии в 50-е годы Куусинен был секретарем ЦК КПСС, участвовал в разработке хрущевской программы построения коммунизма). Сообщалось, что в правительство вошли представители ряда левых партий и восставших финских солдат. В опубликованной декларации нового правительства говорилось: «В разных частях страны народ уже восстал и провозгласил создание **демократической республики**. Часть солдат финляндской армии уже перешла на сторону нового правительства, поддерживаемого народом... народные массы Финляндии... с огромным энтузиазмом встречают и приветствуют **добрестную непобедимую Красную Армию**...»

Было объявлено, что уже сформирован первый финский корпус, и ему «предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца на радость трудящимся и...»

И что еще? «...и страх врагам народа».

В тот же день были установлены дипломатические отношения между СССР и ФДР. А в Хельсинки ушло в отставку правительство Каяндера, новым премьер-министром стал Таннер.

Митинговая кампания в СССР получила новый импульс. «Пришел конец каяндерам и маннергеймам», — делали вывод трудящиеся.

Начали мелькать утверждения, будто сначала восстал финский народ, а уже потом к нему на помощь пришла Красная Армия. О противнике говорилось так: «Первые же часы войны показали, что хваленая «доблесть» финской армии не стоит выеденного яйца».

В Ленинграде действовало затемнение, но ни налетов на город, ни обстрелов не было. 2 декабря шел мокрый снег. Идущие в темноте с работы домой ленинградцы услышали из репродукторов, что между СССР и Финляндской Демократической Республикой заключен Договор о дружбе и взаимопомощи: в обмен на 4 тысячи квадратных километров земли на Карельском перешейке Сталин действительно удовлетво-

рил «вековую мечту» финнов, отдавая им 70 тысяч квадратных километров севернее Ладоги.

4 декабря шведский посланник в Москве Винтер сообщил Молотову о желании финляндского правительства приступить к переговорам о соглашении с СССР. «Тов. Молотов объяснил Винтеру, что Советское правительство не признает так называемого «финляндского правительства», уже покинувшего Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении...»

Тогда же к Молотову поступила телеграмма Генерального секретаря Лиги Наций Авенюла: он приглашал Советский Союз принять участие в Ассамблее Лиги, созываемой по просьбе Финляндии, утверждающей, что СССР «внезапно напал утром 30-го ноября сего года не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города, с ее смерть и опустошением среди гражданского населения, особенно воздушными атаками...» Действительно, о наших воздушных налетах на Хельсинки и Випури (Выборг) было открыто сообщено еще в первой сводке штаба Ленинградского военного округа. Молотов, отвечая Авенюло, и не отрицал этот факт. Он отказался участвовать в Ассамблее Лиги Наций, заявив: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финляндскому народу... Советский Союз находится в мирных отношениях с Финляндской Демократической Республикой...»

Через неделю Ассамблея исключила СССР из Лиги Наций. Как агрессора.

4 декабря трудящиеся Советского Союза все сразу потеряли интерес к событиям на фронте. Ни единого митинга, пробовая тишина. 6 декабря газеты перестали печатать фронтовые репортажи. 7-го впервые опровергли иностранные сообщения о наших потерях. Официальные сводки становились все короче и туманнее.

С. М. Штеменко вспоминает: «Стояли сильные морозы... 9-я и 14-я армии растянулись вдоль дорог и медленно продвигались вперед, отбивая атаки выходящих на их тылы финских лыжных батальонов... Наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях финского театра...»

«При огромных потерях, которые мы там несли, — пишет А. М. Василевский, — пополнялись они самым безобразным образом. Надо только удивляться тому, как можно было за такой короткий период буквально ограбить всю армию. Щаденко, по распоряжению Сталина, в тот период брал из разных округов, в том числе из особых пограничных округов, по одной роты из каждого полка в качестве пополнения для воевавших на Карельском перешейке частей». Вероятно, таким способом пытались скрыть масштабы потерь.

Вдруг оказалось, что финская пехота вооружена автоматами, которые у нас считались неэффективным оружием и за несколько месяцев до финской войны были сняты с производства. И наоборот, у нашей новой самозарядной винтовки обнаружилось множество отрицательных качеств. Сталин лично принимал решения о срочном исправлении положения. Спешно возобновлялось производство автоматов. На фронт был послан Л. Мехлис, немедленно приступивший к разгрому командных кадров. Окруженные и безуспешно атакованные войска получали приказы о повторных атаках на тех же участках с теми же силами и средствами. Это приводило к большим бессмысленным потерям.

20 декабря впервые сводка не сообщила о передвижении наших войск вперед. На следующий день товарищу Сталину исполнилось 60 лет. Казалось, страна забыла о войне. Какая война, когда такой праздник?! Поэтов больше

не возмущали финские шуты. Никто не высказывал солидарности с финским народом. Сам финский народ тоже куда-то подевался. Все заглушая, гремел сталинский юбилей. Даже от Гитлера пришло поздравление.

Затем наступил Новый год. Подводя итоги 1939-го, сотни выступающих вспоминали о чем угодно, только не о Финляндии. Хотя газеты продолжали ежедневно печатать одну и ту же фразу: «На фронте ничего существенного не произошло».

Кровавое и трагическое декабрьское наступление закончилось.

Нокаутировать Финляндию не удалось. Решено было добиваться победы «по очкам», хотя два противника принадлежали, очевидно, к разным весовым категориям и спасать престиж было уже поздно.

В первых числах января на заседании в Кремле вызванный из Сочи Шапошников вновь доложил однажды отвергнутый план военных действий. Теперь план был принят.

«...Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил:

— Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал:

— Если вы мне дадите все то, о чем здесь было сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас...» свидетельствует А. М. Василевский.

Полтора месяца длилось затишье; около 10 февраля 1940 года началось новое наступление наших войск. На этот раз оно шло только на Карельском перешейке и не сопровождалось ни стихами, ни митингами, ни карикатурами. Красная Армия медленно, день за днем прогрызала «линию Маннергейма», вытесняя противника на северо-запад. А в тылу шумовыми эффектами отмечали 50-летие Молотова.

Еще 4 марта штаб Ленинградского военного округа называл правительство в Хельсинки «так называемым финляндским правительством», а спустя несколько десятков часов с этим правительством уже велись официальные переговоры. В это же время продолжались ожесточенные многодневные бои за Выборг. 11 марта город был взят, 12 марта между СССР и Финляндией был заключен мирный договор. СССР получил Карельский перешеек и северный берег Ладоги, полуостров Рыбачий на Ледовитом океане и город Куляярви в Карелии.

А где же народное правительство Финляндии? Где первый финский корпус? Где пламя всенародного восстания?..

Трудящиеся «все, как один человек», вступились, ровно три дня пошумели («провокаторы войны посчитались», «пусть знают капиталисты, что с нами шутить нельзя», «бурей рукоприкладания в честь великого Сталина закончился митинг») — и с 16 марта все, как один, замолкли. Никто, если верить прессе, не уронил ни слезинки. Даже матери погибших. «Песни радости и победы» — и ничего другого!

А потери были страшные. Участник финской войны Степан Иванович Рыбаков с горечью говорил, что за всю финскую войну видел трех убитых финнов, двух мужчин и одну женщину, а вот наших!..

Потери Красной Армии, по советским данным, составили 70 тысяч убитых и без вести пропавших, 176 тысяч раненых и обмороженных. Потери противника, по финским данным, — соответственно 23 и 44 тысячи человек.

Прошло 50 лет, и еще ни разу мы не почтили минутой молчания память павших в финской войне... 23

Татьяна СМЕРТИНА

Из цикла «ЯШМОВЫЙ ГРЕБЕНЬ»

Сквозь хризантемы,
Что сгибает ветер,
Глаза японки
Вижу на рассвете...
Подола всплеск...
Волосьев черных дождь...
Тугих шелков
Девическую дрожь...

Виденье то
Хочу приблизить к были!
Но хризантемы
Все слезами смыли...

Тяжел цветок —
В моих ладонях тонет,
Трепещет весь,
И шелестит, и стонет...

ВОРОЖБА НА ОГНЕ

Ты Новый год
справляла по-японски,
А нынче — плат узорный на плече,
В конюшне ищешь волос конский,
Со мной гадаешь на свече.
Ой, как пылает тот огонь!
Он проогнил насквозь ладонь.
Ладонь — ала, что лепесток.
Мы обе смотрим на шесток.
Да что ж за зверь там?
Кто же он?
Не подшутил ли старый Нилыч?
Я говорю: «Там Змей Горыныч!»
Ты уверяешь: «Там — дракон!»
А я: «Там леший копошится!»
Ты снова споришь:
«Нет — лисица!»

Когда же профиль выплыл тих,
Мы разом вскрикнули: «Жених!»

Ты в косу русую мою
Из яшмы гребешок втыкаешь.
Про ямщика тебе пою,
Ты — из «Манъёсю» плач читавшь.

Потом совсем наоборот:
Ты мне — осенинскую строку,
Я ж — как азалія цветет
Из Исикава Такубоку.

И до сих пор здесь голос твой
В сердечных ландышах таится,
И гребень яшмовый, резной
В тяжелом сундуке хранится.

Среди елок на опушке
Ищем рыжие волнушки.
— Есико, иди сюда!
Здесь пречерная вода.

В омуток глядим лесной.
Два лица передо мной.
Хоть мое — слегка бело,
Хоть твое — слегка смугло,
В этом зеркале овальном,
В золоченой раме леса,
Как на снимке беспечальном,
Мы навек остались вместе!

И ты бежишь, и крик твой
Длится:
— Не урони дитя, сестрица!
Не урони в огонь и дым,
Закрой его плечом своим,
Завесь рассыпанной косою...
Я в Прошлом стаяла росой...
Смерч моего коснулся сердца,
Пушинкою спалив младенца!
Но до сих пор от нас до вас —
Мой крик о сыне не погас!

Кто спросил бы у меня:
«Почему смутилась?»
Я б ответила: «Луна
Лотосом раскрылась...»

Я глядела на луну,
Видела тебя одну...
Ты бледна, и луна...
Лепестков сквозит волна.
Край луны сквозь деревья?
Твоего ли рукава?

У хлевá горит весь день
Кисти Врубеля сирень.
Не твоя ли рядом тень?

За кольями оград
Твои сабó стучат.
Настыли дожданы,
Травой обуяны.

Дела все бросаю,
В домашней одежде
Бегу и встречаю:
— Ты, Есико, где же?!

Под нашей рябиной —
Красива ты дивно!
От глаз твоих узких,
Когда повстречались,

В душе моей русской
Порезы остались.

9 августа,
11 часов 2 минуты...

Я в Настоящем дне живу,
Ты — в Прошлом,
В прошлую войну...

Иду среди елок-веретенец.
Ты через мост идешь грустя.
И у моей груди младенец.
И на твоих руках дитя.

Я обернулась, поглядела —
В тот миг ты вспышкой сгорела!
Лишь на брусчатке
Целый день
Твоя
Молчала страшно
Тень...

Мы с тобою пошли
Не гулять, не бродить,
А чтоб бога войны
Найти и убить!
Ты нож самурайский
Как бритву точила,
Я стрелы свои
В аконите мочила.
Лишь только оружие
Взяли мы в руки —
Заплакали наши
Младенцы в испуге.
А бог тот смеялся
Все боле и боле
И взрывом плевался
На дальнем атолле!

Пред силою злою —
Две женки всего?
Но все ж мы с тобою
Идем на него!
И лук мой крестьянский
Гудит в серебре.
Твой нож самурайский
Блестит на бедре.

Андрей ЧЕРНОВ

ХОДАСЕВИЧ НА ТВЕРСКОМ

Этот век ему нѣ пара,
даром, что над мостовой
встал он на краю бульвара
с непокрытой головой.

Пройдено чистописанье.
Мутная сомкнулась твердь.
Впредь — ловить его дыханье,
задыхаясь, кашлять впредь.

И в предвиденье разлуки
здесь, на площади Страстной,
вслед за Блоком комкать руки
над обугленной строкой.

Ты просей слова, как просо,
через сито языка.
Ты вскипай, крутая проза,
в чугунке черновика.

НАТЮРМОРТ

Земляника, малина, морошка
уцелели под ластиком и
осторожно ложатся в лукошко,
пялят круглые зенки свои.

Вот причуда — качаясь на стуле,
разбирать допотопный сюжет —
натюрморт середины июля
из блокнота младенческих лет,

где, как прежде, глядит неофитом,
точно он и не вытерт до дыр,
обведен разноцветным графитом
лишь вчера восстановленный мир,

и гуляют детей необурых,
и жалуют собак и калек,
и не в миллирентгенах — в минутах
да в годах измеряется век.

Перепели песни, и во тьму
переговорили разговоры.
Вот и разошлись по одному
прожекторы, мальчики, позеры.

Лезли, удивленные, на свет,
трепетали на ветвях крылатых, —
ах, листва 60-х лет,
как летела ты в 70-х.

А когда погасла та звезда
и померкла, не взойдя, иная,
мы вошли за ними — ни стыда,
ни иллюзий не перенимая.

И хотя стояли на своем,
прóжили свое, да не прожили.
И теперь их песенки поем,
потому что новых не сложили.

Едва повернет от Успения
к Покрову
и губы набухнут
от влаги гниющей свирели,
душа, как больная собака,
находит траву
в ближайшем дворе, на помойке ли,
на пустыре ли.

Смотри — так и ветви смиряют
растительный зуд,
отторгнув плоды и теряя
истасканный ситец,
и горькую сырость созвездий,
как соску, сосут,
и это важней, чем дыханье
и фотосинтез.

Не плачь, ради бога, не бойся:
все страхи — вранье,
когда это брезговал он
неумытой душою?
Как прачка Мария, отбелит,
отмолит ее,
прикроет привычной ладонью,
по-женски большою.

СОТВОРЕНИЕ

Точку подвинул — линия вышла.
А ее подвинул —
получилась плоскость.
Плоскость опрокинул —
объем образовался,
так вот и построил пространство.

Стал сдвигать объем
относительно объема —
ничего не вышло,
кроме жара и грома.

Вместо идеального четырехмерия —
жадная,
потная дура — материя.
На нее подую — пойду за газетами.
Пусть оно само собою сбывается:
народились солнца,
иные с планетами,
а на той, на синенькой,
жизнь затевается.

О, какие рожи
в лесу этом девственном!
Эти кайнозой —
неужто же вытерплю? —
скоро ли в Москве,
на бульваре Рождественском,
взяв из-под ребра, из себя
тебя вылеплю?

Опять обездвухит тебя таксофон,
прожорливый ротик,
намыленный медью,
удачу сглотнет, и судьба колесом
откатится к третьему тысячелетию:

Как мы неуклюжи в среде железяк!
Я помню — полгода слесарил
на ЗИЛе
и ведал повадку металла, но как
случилось, что мы на него

нагрузили
заботу не только о слабых телах —
о душах; и наш одомашненный атом,
и тонны тротила в пустых небесах
сравнимы с испорченным автоматом
на Автозаводской. Как произошло,
что семь тысяч лет мы стреляем
человечьим
учили болванку? Ответьте, алло!..
Молчит. Научилась.
И крыть ее нечем.

Соловьиного пеня,
что сора в прозябшей низине.
Невесомых скорлупок
не вымести и ветрам.
Верхоглядом над кручей,
птенцом постаревшим, разиной,
озирая окрестность,
читать по слогам:

это прорези воя —
женщины или птицы,
пепелище прощаний,
эпохи нестрабный сюжет,
тусклый список теней,
отпечатанный на роговице...
Чем слабее, тем горше.
Чем дальше — тем резче просвет.

Из почтового — потом
в деревянный ящик.
Ну да отпоет местком
всех, сюда входящих.
Тот же воздух испитой
обожжет у входа,
точно перед номерной
проходной завода.
Кумачом течет металл.
Ночь кострами вьется.
А за то, что век молчал,
вечность выть придется.

Грегори МАКДОНАЛЬД

ФЛЕТЧ

— Перед твоим приходом, папа, мы говорили о ранчо, которое Алан покупает в Неваде.

— Идея, в общем, неплохая.

— Наоборот, отвратительная.

— Наша семья слишком мало вкладывала в недвижимость. Что у нас есть? Городские дома да то местечко в Аспене. Нам и раньше следовало покупать землю. Но никто не хотел этим заниматься. Я рад, что Алан переступил черту.

— Меня тошнит от одной мысли о ранчо.

— Можешь туда не ездить.

— Судя по словам Алана, этот миллион акров в Неваде станет нашим духовным прибежищем.

— Тебе, конечно, придется съездить туда разок другой, пока Алан будет приводить в порядок дела. Вам это пойдет на пользу. И Джулии тоже. Тебе, должно быть, надоело, что твоя мать и я вечно сидим у вас на шее.

— Мама плохо себя чувствует.

— Я помню день, когда твоя мать первый раз выпила мартини перед ленчем. Джин способствует депрессии, моя девочка.

— Мой бог! Можете сидеть у нас на шее. Раньше меня это не тяготило.

— Джим Свартаут оказался полезным человеком?

— Кто?

— Джим Свартаут. Из «Свартаут Невада Риэлти». Крупнейшая фирма в Неваде. Я порекомендовал Алану обратиться к нему, когда тот завел разговор о ранчо. Насколько я понимаю, Алан ведет переговоры именно с ним.

— О, да. Он нам очень помог. Именно он нашел для Алана это ранчо. Мы собираемся туда на следующий уик-энд. Повезем задаток, наличными.

— Веселей, старушка. Алан абсолютно прав, вкладывая деньги в ранчо. Абсолютно прав.— Джон Коллинз допил эль.— А теперь поглядим, сможем ли мы выманить юного Джона на корт.

— Нет, сэр. Но премного вам благодарен. Видите ли, времени у меня в обрез. Я должен успеть на самолет.

— О! — В голосе Коллинза слышалось искреннее огорчение.— Очень жаль.

— У вас изумительный клуб. Со слов Джоан я знаю, как много вы для него делаете.

— Ну, она могла бы не напоминать об этом. Я действительно уделяю клубу много внимания. Молодежь должна иметь место для развлечений и занятий спортом. Особенно теперь, когда молодые люди не могут появляться на пляже.

— О?

— Наркотики. Черт бы их побрал. Везде наркотики. На всем берегу. Сильные наркотики. Героин. Опий. Не говоря уже о таблетках. В наши дни отправлять подростка на пляж — все равно что послать его в ад.

— Взрослые продают наркотики детям.— добавила Джоан.— Буквально навязывают их. Вы можете представить что-нибудь более отвратительное? Это же безумие. Заставлять детей принимать наркотики!

— Я несколько раз говорил с начальником полиции, Каммингсом,— продолжил Джон Коллинз,— настоятельно требуя, чтобы он прекратил это безобразие. Я даже предложил заплатить специально нанятым детективам, чтобы они выяснили, откуда на пляже наркотики и кто их туда доставляет. Он говорит мне, что принимает все меры. У него на пляже есть осведомитель, но дело затруднено тем, что люди на берегу приходят и уходят, постоянно меняются, прикрываются вымышленными именами. И контролировать положение чрезвычайно трудно. Не за что зацепиться. Он полагает, что детективы-профессионалы ничем не помогут.

— Я не знала о твоём предложении, папа. Это ты хорошо придумал.

— Покончить с наркотиками — насущная необходимость. При таком росте краж, взломов, ограблений нельзя сидеть сложа руки. Так мы докатимся и до убийств. Но больше всего меня волнуют эти молодые люди, обрекающие себя на медленную смерть. Это ужасно. Они не знают ничего другого. Жизнь у них — кромешный ад.

— Я полностью с вами согласен, сэр,— вставил Флетч.

— Наш достопочтенный начальник полиции вскорости уходит на покой, а в предпенсионном возрасте люди не отличаются высокой активностью. Поэтому я твержу Алану: гони этих старых развалюх, дай им деньги, и пусть катятся на все четыре стороны. Компании они уже ничего не дают. Вот и Каммингс больше думает о пенсии. Охрана правопорядка его не занимает. Скорее бы уж уходил. Тогда, возможно, нам удастся совладать с этим бедствием.

— Кто знает, сэр. Может, с ними справятся и без полиции,— заметил Флетч.

— Хотелось бы верить,— кивнул Джон Коллинз.— Но кто за это возьмется?

— Да,— улыбнулся Флетч.— У вас великолепный клуб.

— По крайней мере наркотиков здесь нет. За исключением мартини, что некоторые идиоты заказывают перед ленчем.

ГЛАВА 14

Пользуясь телефонной кредитной карточкой, Флетч провел следующий час в темноте и прохладе игровой комнаты клуба. Никто не играл ни на бильярде, ни в пинг-понг, не смотрел телевизор.

Первым делом он позвонил Марвину Стэнвику в Нонхиген, Пенсильвания.

— Мистер Стэнвик?

— Да.

— Это Сидней Джеймс из «Кейзуэлл Иншурерс оф Калифорния».

— Как поживаешь, мой мальчик? Что ты надумал насчет «Бронзовой Звезды»?

— Я еще не решил, сэр.

— Вряд ли тебе предложат еще одну.

— Не ожидал, что дадут и эту-то.

— Я советую тебе получить ее. Кто знает, что нас ждет впереди. Может, у тебя будет сын, который спросит о ней, или внук.

— Я в этом не уверен. В наши дни женщины не хотят рожать детей.

— Тут ты совершенно прав. Сам жду не дожусь, когда же Алан и его жена подарят мне внука или внучку.

— Что?

— Мне кажется, им пора, не правда ли? Сколько они женаты? Лет шесть, а то и семь.

— У них нет детей?

— Разумеется, нет. Иначе мы побывали бы в Калифорнии, не упустили бы случая повидать ребенка Алана.

— Понятно.

— Ну, мистер Джеймс. Полагаю, вы позвонили, чтобы узнать, как наше самочувствие. Миссис Стэнвик и я вполне здоровы. Как раз думаем о ленче.

— Рад это слышать, сэр.

— Ты, должно быть, очень честолобив, раз работаешь по субботам. Мне самому надо возвращаться в магазин после ленча, но я-то думал, что, кроме меня, по субботам все отдыхают. Правда, тебе приходится работать по субботам лишь потому, что в будни ты слишком много времени проводишь на телефоне.

— Мы стараемся подсчитать, сколько времени проводит в воздухе ваш сын.

— Слишком много.

— Вы говорили, что он бывает у вас раз в шесть недель?

— Примерно так.

— Он прилетает надолго?

— На ночь или две.

— Он останавливается у вас дома?

— Нет. Он и второй пилот останавливаются в гостинице «Нонхиген Инн». У них там номер. Алан вроде тебя. Если он не будет висеть на телефоне сорок пять минут из каждого часа, то жизнь, по его мнению, замрет на месте. Ему необходим гостиничный коммутатор.

— Сколько же времени он проводит у вас?

— Я не очень понимаю, к чему эти вопросы, но человек, награжденный «Бронзовой Звездой», наверное, сообщает, что делает. Обычно они приходят на завтрак.

— Они?

— Алан и второй пилот. Баки. Который любит пирожки моей жены. Я раньше не представлял, как много пирожков может съесть один человек.

— Алан прилетает с одним и тем же вторым пилотом?

— Нет. Пару раз с ним были другие люди, но я не запомнил их фамилии. Обычно это Баки. Бывало, Алан приходил и к ужину, но один. Изредка. Когда он здесь, мы видим его мало, но, должно быть, в родном городе он отдыхает душой.

— Да, конечно. И как долго это продолжается?

— Его регулярные визиты? С тех пор, как он стал шкипом в этой авиационной компании. Наверное, ему чаще приходится летать по делам в нашу сторону.

— Последние шесть-семь лет?

— Я бы сказал, года четыре. После женитьбы мы почти не видели Алана. Что, впрочем, неудивительно.

— Почему вы сказали, что он летает слишком много?

— Полеты опасны, сынок. Особенно на частных самолетах. Что-нибудь может сломаться.

— Вы хотите сказать, он может разбиться?

— Он может погибнуть. Самолет — не резиновый мячик, который отскакивает от земли. Он уже побывал в катастрофе. Даже в двух. За океаном.

— Я знаю. Но вы же не возражали против его занятий боксом, когда он был подростком?

— Кто это сказал?

— Вы были против?

— Чего мы только не делали, чтобы заставить его прекратить занятия боксом. Каждый день он спускался в подвал и работал с грушей. И так до самого ужина. Одно время он выходил на ринг дважды в неделю. Какая голова это выдержит? Я уж думал, что мозги полезут у него из ушей. Во всяком случае, кровь из носа текла у него каждый раз.

— Почему вы не запретили ему заниматься боксом?

— Если у тебя будет сын, ты узнаешь, что в четырнадцать или пятнадцать лет от него не добьешься полного послушания. Чем чаще ты требуешь от него не биться головой об стенку, тем сильнее он будет в нее лупить и никогда не поверит, что мозги пригодятся ему для чего-нибудь еще.

— Тогда почему он не участвовал в национальном первенстве?

— Ты не можешь найти ответа?

— Нет, сэр.

— Девушки, сынок, девушки. Сколько бы пятнадцатилетние подростки ни боксировали в подвалах, рано или поздно они замечают девушек. И тогда боксерские перчатки вешаются на гвоздь, а из кармана достается расческа. Должен признать, нам потребовалось немало времени, чтобы это понять. Конечно, он хотел поехать на чемпионат, и специалисты оценивали его шансы очень высоко. Но внезапно перед самым отъездом дом перестал дрожать, глухие удары в подвале прекратились. Мы думали, он заболел. Вечер, когда он сказал, что не будет участвовать в чемпионате, стал самым счастливым в нашей жизни. Груши так и висят в подвале. Больше он к ним не подходил. Раньше-то им крепко доставалось, так что они нуждаются в отдыхе. Алан увлекся самолетами. Сыновья никогда не думают о нервах родителей. Я уверен, это можно сказать и о тебе, мистер Джеймс.

— Наверное, да. Может, и к лучшему, что у вашего сына нет детей?

— О, нет. Воспитывать детей, конечно, сложнее, чем есть рождественскую индейку.

— Ну, не буду больше вас задерживать, мистер Стэнвик. Благодарю за помощь.

— Послушай, сынок.

— Да?

— Я обрадовался твоему звонку, потому что не знал, где тебя найти. Все думал о твоей «Бронзовой Звезде». Я хотел бы заключить с тобой договор.

— О?

— Ты получишь награду и пришлешь ее нам. Мы сохраним ее для тебя, а потом, когда ты захочешь, вернем назад, чтобы ты мог показать ее своему сыну.

— Спасибо, мистер Стэнвик.

— Так что ты скажешь? Если с нами что-то случится, мы позаботимся о том, чтобы «Бронзовая Звезда»

никуда не пропала. Мы будем хранить ее в банке вместе с выходными туфлями моей жены.

— Даже не знаю, что и сказать.

— Жизнь — долгая штука, сынок, и наши суждения со временем меняются. Присылай нам свою «Бронзовую Звезду», а мы сбережем ее.

— Вы хороший человек, мистер Стэнвик. Позвольте мне подумать о вашем предложении.

— Конечно, конечно. Мне кажется, теперь тебе будет легче принять решение.

— Спасибо. Большое вам спасибо.

— Звони в любое время, сынок. Вчера я подкупил акции телефонной компании.

— «Нонхиген Инн». Добрый день.

— Добрый день. Это мистер Алан Стэнвик.

— Здравствуйте, мистер Стэнвик. Рад слышать ваш голос, сэр.

— Две молоденькие девушки заглянули в игровую комнату. Очевидно, они искали не Флетча, потому что дверь снова закрылась.

— Я звоню вам, так как сегодня суббота, а я решил, что, возможно, прилечу на следующий уик-энд.

— О?

— Вас это удивляет?

— Извините, сэр. Но мы привыкли, что вы наезжаете раз в полтора месяца. Ведь вы уехали от нас всего две недели назад.

— Я еще могу передумать.

— Как вам будет угодно, сэр. Номер всегда в вашем распоряжении.

— Благодарю.

— До свидания, мистер Стэнвик.

— Свартаут Невада Ризлти Компани.

— Джима Свартаута, пожалуйста.

— Извините, сэр, но мистер Свартаут уехал с клиентом.

— Когда он вернется?

— Сегодня суббота, сэр, и...

— Понятно.

— Если вы оставите ваш номер, он позвонит...

— Нет, благодарю. Он будет в понедельник?

— Да, сэр.

— Я позвоню ему сам.

ГЛАВА 15

Все еще в белых шортах и тенниске, Флетч медленно ехал по Виззард-роуд. По телефонному справочнику он узнал нужный ему номер — 12355.

Красивый, построенный в испанском стиле особняк возвышался посреди зеленого лужка. На подъездной дорожке стоял голубой «кадиллак».

Флетч припарковался на улице.

Заметив поднимающийся дымок, он сразу направился во двор.

За оградой бассейна толстый, лысеющий мужчина в цветастых шортах смотрел на разожженный мангал. Позади него на каменной глыбе стоял большой бокал джина с тоником.

— Берт?

Мужчина обернулся, готовый приветствовать доброго приятеля, но при виде незнакомого человека улыбка сползла с его лица.

— Джон Залумаринеро, — представился Флетч.

— О, конечно.

Берт Эберхарт протянул руку.

— Я приехал в город на один день. Джоан Коллинз и ее отец пригласили меня на ленч в «Рэкетс-клуб».

— А...

— Я спрашивал о вас. Джоан сказала, что вы живете на побережье и я могу заехать к вам по дороге в отель.

— О...

— Я не видел вас со дня свадьбы Джоан. Вы были шафером.

— Джон! — Берт Эберхарт словно прозрел. Они вновь обменялись рукопожатием. — Клянусь богом, как я рад тебя видеть! Где ты скрывался?

— Продавал мебель. В Монтане.

— Потрясающе! Ты так молодо выглядишь. Так ты говоришь, старик Коллинз угостил тебя ленчем?

— Сэндвичем с сыром.

— О боже! Джон Коллинз и его сырные сэндвичи. Он чуть ли не миллиардер, а угощает тебя сыром. Что бы он ел, если бы был беден? Понимаю тебя, сам сыт по горло его сэндвичами. По меньшей мере он мог бы купить тебе бифштекс. С его-то деньгами. Он боится пополнить хоть на фунт. Как будто это кого-то волнует. Все интересуются толщиной его кошелька, а не толщиной его талии!

— У вас тоже очень представительный вид.

— Вот мне-то надо похудеть. Что тебе налить? Джин с тоником?

— С удовольствием.

— У меня все под рукой. — Он подошел к стене дома, где в тени стоял бар. — Мое правило — не уходить от бутылки дальше чем на десять шагов.

«Поэтому он так и расплелся», — подумал Флетч.

— Мы неплохо повеселились на той свадьбе, — заметил он. — Но вы, должно быть, не помните.

— Да, я наливался до чертиков. Все вылетело из головы. Мне казалось, что женюсь я. Повтори, пожалуйста, свою фамилию.

— Залумаринеро.

— Да, да, ну как же. Ирландец.

— Вернее, валлиец.

— Теперь я вспомнил. Мы действительно тогда повеселились от души. Отличная была свадьба. Как же я мог тебя забыть! Ты еще кувырнулся в бассейн в шляпе.

— Неужели?

— Ну, конечно. Вошел прямо в воду и продолжал идти как ни в чем не бывало.

— Я не помню.

— В тот день перебрал не я один. Ну, за твое здоровье. О господи, какая жара. Не понимаю, почему люди живут в этом климате. Стремимся в Калифорнию из-за прекрасной погоды, а потом до конца дней сидим в обнимку с кондиционером. Подходи к мангалу. У нас сегодня гости.

Флетч сел под солнцезащитным зонтиком, а Берт занялся мангалом.

— Чтобы приготовить хороший бифштекс, надо заранее разжечь мангал. За два или три часа. Наши предки, как тебе известно, поддерживали огонь постоянно. Конечно, им не приходилось столько платить за древесный уголь. Короче, для того, чтобы что-то поджарить, им требовалось лишь подойти к очагу. Мы же каждый раз разжигаем огонь заново. Боже, как я рад, что ты заглянул ко мне, Джон. Оставайся на ужин.

— Большое спасибо, но я не могу.

— И напрасно. Тот, кто провел ленч с Джоном Коллинзом, достоин мясного ужина и орденовской ленты.

— Мой самолет вылетает через пару часов.

— Тогда тебе надо выпить. В самолет можно садиться только пьяным. Тогда остается шанс спастись, если он упадет.

— Как поживает Алан?

— Блестяще. Выглядит, как ты. Ни унции жира. В прекрасной форме. Я устаю от одного взгляда на него.

— Помнится, на свадьбе вы говорили, что дружите с Аланом еще со школы.

— Да, мы вместе учились в Колгейте. С тех пор я паразитирую на нем.

— Не понял.

— Почти с тех пор. Не считая нескольких лет до его свадьбы. Тогда мне приходилось зарабатывать на жизнь. Хочешь еще выпить? Я держу все страховки Алана. Его жизнь, дом, машины, яхта, «Коллинз Компани». Поэтому я никогда не спорю с Джоном Коллинзом, несмотря на его сырные сэндвичи. В конце концов от него зависит моя будущая выпивка.

— Джоан говорила, что Алан застрахован на три миллиона.

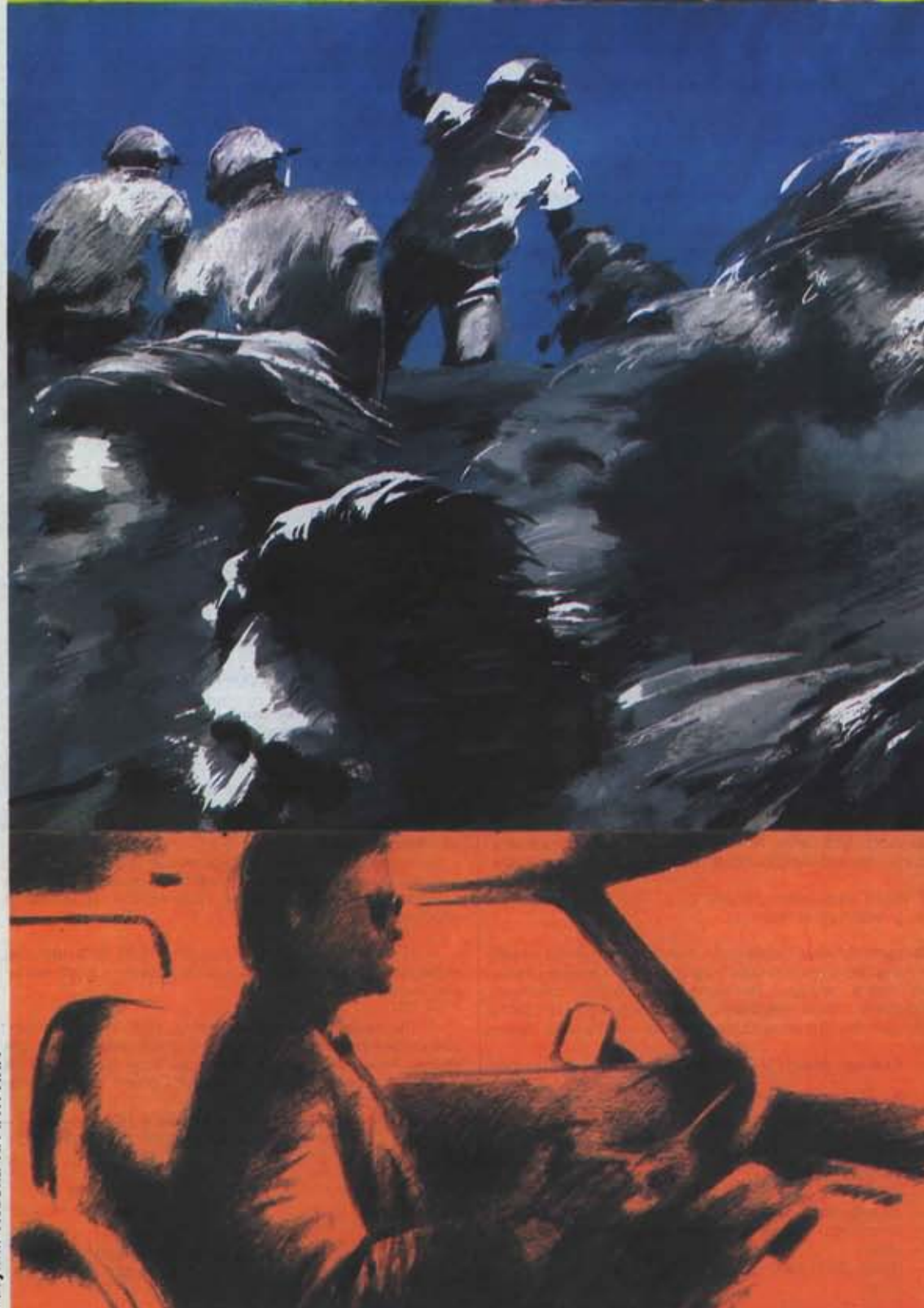
— Можешь ей верить.

— Это правда?

— Абсолютная правда. Мертвым этот парень стоит куда больше, чем живым. Но не для меня. Каждый вечер я молюсь за него. Если он умрет, я последую следом за ним. Иначе мне вновь придется идти работать. Боже! Об этом даже страшно подумать. Какой-нибудь паршивый механик забывает подтянуть гайку в этом паршивом самолете в Айдахо — и кончена моя жизнь. Ненавижу самолеты. В этом я похож на мать Алана. Он летает, а я волнуюсь. Возможно, я умру от волнения, а он прокрутит мертвую петлю над моей могилой.

— Значит, вы познакомились в колледже?

— Какой он был красавец! В общежитии нас поселили в одну комнату. Раньше он участвовал в турнире «Золотые перчатки». Такой серьезный парень. На уме только работа, работа и работа. Я хотел войти в студенческое братство, а он — нет. То есть ему было все равно. Чуть ли не каждый уик-энд он ездил домой. В богом забытый городишко Нонхиген, что в Пенсильвании. Какая же там скука! Один раз я поехал с ним. В субботу вечером мы нашли только одно развлечение: наблюдать за автобусной остановкой. «О боже», — сказал я Алану, — ты слишком серьезен. Колледж — это не только учеба». Я хотел, чтобы мы вместе подали заявления о приеме в студенческое братство. Я думал, что мои шансы при этом возрастут. Они отвергли меня, но пригласили его. А он не писал никакого заявления. Для меня это был жестокий удар, думал, никогда не оправлюсь от него. Как могли эти восемнадцатилетние сопляки решать, кто им подходит, а кто нет, если они знали человека лишь несколько месяцев? Почему они отказали мне? За столь короткий срок эти мерзавцы пришли к выводу, что Алан — золото, а я — дерьмо. Алан даже не оставался в кампусе на уик-энды. Я жаждал стать членом студенческого братства, а студенческое братство жаждало Алана. Господи, я даже плакал. Алан согласился при условии, что они возьмут и меня. Его соседа по комнате. Боже, я никогда этого не забуду. Он просто благодетельствовал меня. Представляешь, какая была у него сила воли! Членство в братстве значило очень многое, а он хладнокровно торговался с этими обезьянами. Я думал, у него ничего не выйдет. Но он своего добился. Они приняли нас обоих. Потом он не ударил для братства пальцем о палец, лишь позволял им гордиться тем, что состоит в нем. И по-прежнему уезжал домой на уик-энды. Я же участвовал во всех начинаниях. Господи, как мне было хорошо! Незабываемое время.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

он и к своему давнему другу, БERTУ Эберхарту. Как говорит Марвин Стэнвик, Алан отдыхает душой, навещая родной городок.

При этом он понимает, что в мире Джоан и Джона Коллинзов нет места для Марвина и мамы Стэнвик. Ему ясно, что они будут нервничать, чувствуя себя не в своей тарелке. Поэтому он мог сдвинуть дату свадьбы, не сообщив о рождении дочери и говорить всем и вся, что в соре с родителями — только для того, чтобы не доставлять им излишних волнений.

Теперь о загадочном ранчо в Неваде. Изначально он хотел купить ранчо по самой прозаической причине: выгодное вложение капитала. Ни он, ни Джоан не собирались там жить. Поэтому никто не помнит, кто первым заговорил о ранчо, Алан или Джоан. Никому из них оно не нужно. Для них покупка ранчо — чисто деловая операция.

Возможно, Алан приступил к ее практическому осуществлению: посоветовался с биржевым маклером, страховым агентом, тестем, женой. После этого он узнал, что у него рак. И решил отдать все время и силы для подготовки «Коллинз Авиэйшн» к своему уходу. Причем так, чтобы никто об этом не узнал. А это не так-то просто. Он понимал, что может не успеть оформить покупку ранчо, но не мог сказать об этом своим близким, не указав причины, то есть своей болезни. Поэтому он создавал впечатление, что все идет своим чередом. Вполне возможно, что на вопросы Джона Коллинза о ранчо и Свартауте Стэнвик всегда отвечал: «Да, да, все нормально». Он мог согласиться отвезти жену на ранчо в следующий уик-энд, хотя никакого ранчо не существовало, потому что знал, что для него следующего уик-энда уже не будет.

Выходит, что в выявленных противоречиях нет ничего необъяснимого.

И все же один вопрос остается без ответа.

Если Алан Стэнвик хочет покончить жизнь самоубийством, почему он не выберет самый естественный для себя путь?

Почему он не хочет разбиться в авиакатастрофе?» Флетч выкинул в мусоропровод обертки сэндвичей и бутылку из-под молока. В спальне тщательно упаковывал большой чемодан. Теннисные шорты. Три пары джинсов. Шорты из джинсовой ткани. Футболки. Рубашки. Галстуки. Нижнее белье. Бритвенные принадлежности. Два костюма. Два пиджака спортивного покроя. Две пары брюк. Записную книжку. Черные туфли. Три пары черных носков. Три пары коричневых. Паспорт.

Положил пачку бумаги и копирку на пишущую машинку и закрыл ее крышкой.

Надел коричневые туфли, носки того же цвета, рубашку, брюки, галстук, пиджак. Не забыл и солнцезащитные очки.

С диктофоном, чемоданом и пишущей машинкой спустился в гараж. Поставил диктофон на переднее сиденье, пишущую машинку — на пол, чемодан положил в багажник.

Затем поехал к административному корпусу «Коллинз Авиэйшн» и принялся ждать.

ГЛАВА 19

К главным воротам «Коллинз Авиэйшн» Флетч подъехал в четыре часа дня. Без пятнадцати пять он увидел, как одетый в серую форму охранник вышел из будки, засвистел, замахал руками, освобождая дорогу, и отдал честь выезжающей машине. То был серый «ягуар ХКЕ» с номерным знаком 440-001. Автомобиль свернул налево.

За рулем сидел Стэнвик.

Флетч поехал следом.

Джоан Стэнвик говорила, что по понедельникам и средам Алан задерживается допоздна. В эти дни он редко приходил домой раньше полуночи. Он работал.

Сегодня был понедельник, а Стэнвик уехал с работы без четверти пять.

На перекрестке улицы Стивенсона с Главной он свернул направо. Следуя за ним, Флетч решил, что Стэнвик направляется к автостраде, но тот, проехав двенадцать кварталов, повернул налево, на улицу Сибири, и въехал на стоянку у винного магазина. Флетч остановился на другой стороне улицы.

Стэнвик вошел в магазин, затем вновь появился на автостоянке. Наблюдая за ним, Флетч мог лишь ответить, что видит довольного жизнью, не обремененного заботами человека. Он входил в магазин, засунув руки в карманы. Уверенной, неторопливой походкой. С бесстрастным лицом. Когда он вышел, на его губах еще играла улыбка. Вероятно, высказанный им комплимент пришелся продавщице по душе. В бумажном пакете он нес по меньшей мере три бутылки. Ему потребовалась лишь секунда, чтобы найти ключ зажигания в связке ключей.

Еще через три квартала Стэнвик повернул налево на улицу Патнэм и, проехав с полмили, свернул на тенистую стоянку рядом с кварталом одноэтажных коттеджей. Он поставил «ягуар» в дальний ряд, у самых деревьев. Флетч предпочел средний ряд, на ярком солнце. Стэнвик запер машину, пересек стоянку

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Итоги конкурса составления задач-миниатюр

**ДВУХХОДОВКИ,
1987—1989**

1-й почетный отзыв — М. Власов,
д. Карбас Пермской обл.

Белые: Kph8, Fg8, Cg4 (3)
Черные: Kph4, Cf1, п. g3 (3)
Хорошее вступление приводит к трем
правильным матам: 1. Cf3! Kph3 2.
Fh7x, 1...g2 2. Fg4x (угроза), 1... Ch3 2.
Fd8x.

2-й почетный отзыв — В. Желто-
ножко, Свердловск

Белые: Kpf6, Ff1, Cf4, Kd3, п. b4 (5)
Черные: Kpe4, п. a5 (2)
Близнец: пешку b4 переставить на g3.
В решениях близнецов представлено
чередование матов угрозы и вариан-
та — тема ле Гранд. а) 1. Ke5! с угрозой
2. Fc4x, 1... Kpd5 2. Fd3x. б) 1. Kb2!
с угрозой 2. Fd3x, 1... Kpd5 2. Fc4x.

3-й почетный отзыв — В. Федотов,
г. Снежное Донецкой обл.

Белые: Kpf2, Fc3, Cb2, Kd8 (4)
Черные: Kpd5, Kf5, п. d7 (3)
Задача-блок с хорошим выжидатель-
ным ходом — 1. Ca1!

1-й похвальный отзыв — Н. Белик,
г. Ульяновск

Белые: Kpe3, Ff1, Kg1, п. h3 (4)
Черные: Kph2, пп. e4, e5 (3)
Задача-блок с переменной мата. Вна-
чале: 1...Kpg3 2. Ff2x. Выжидательного
хода нет. Решает 1. h4! Kpg3 2. Fh3x,
1... Kph1 2. Kf3x.

2-й похвальный отзыв — В. Алексеев,
п. Чодраял Марийской АССР

Белые: Kph5, Fg1, Kc1, Kc4, п. e3 (5)
Черные: Kpf3, Kf2 (2)
1. Kpg6! — цугцванг. 1... Kpe4 2.
Fg2x, 1... K~ 2. Kd2x, 1... Ke4 2. Ke5x.
Два первых мата — правильные.

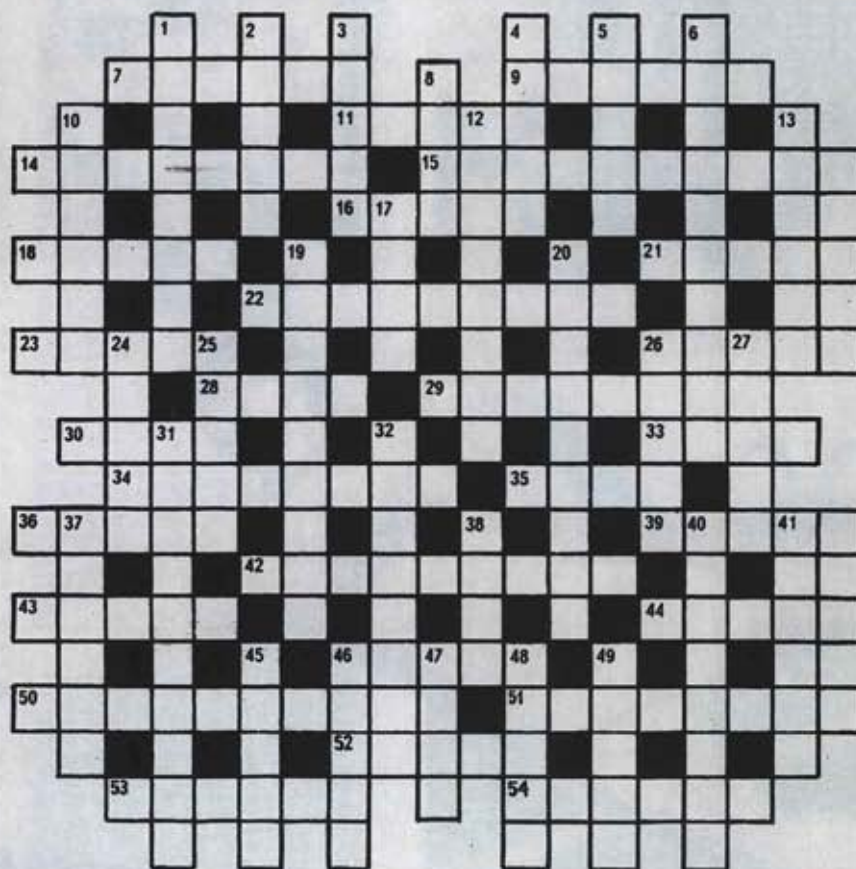
3-й похвальный отзыв — В. Сучков,
г. Чебоксары

Белые: Krc5, Fg1, Lb4 (3)
Черные: Кра5, Cb3, п. a4 (3)
Решает неожиданная жертва ладьи:
1. Kpd6!

Итоги конкурса предварительные. За-
мечания следует присылать в течение
двух месяцев после данной публикации.

КРОССВОРД

Составил Г. Волков, Кострома

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Ткань, названная именем фламандского
мастера XIII века, первым ее выткавшего. 9.
Поэт, которому А. Ахматова обязана больше,
чем любому другому. 11. Ювелирный камень;
им в Древнем Риме настлали полы. 14. За-
бор, за которым спасались герои в романе
Р. Стивенсона «Остров сокровищ». 15. Древ-
неримский оратор, сказавший: «Что бы ни
делали государи, кажется, будто они это
предписывают всем остальным». 16. Цветок,
дольше стоящий в вазе, если у него удалены
тычинки. 18. Приток Шилки, один из виновни-
ков летнего наводнения на реке. 21. Конек,
увлечение. 22. Мария Шимановская (музы-
кальное призвание). 23. Музыкальный знак.
26. Озеро на севере Челябинской области.
28. Субстанция, делающая человека челове-
ком. 29. Роющее насекомое, у которого пе-
редние ноги похожи на передние ноги крота.
30. Создатель французского пасторального

романа. 33. Зной. 34. Жанр, с которого нача-
лось творчество Н. Языкова. 35. Непоседа.
36. Исследователь, достигший Южного полю-
са на 33 дня позже Р. Амундсена. 39. Видный
английский шахматист первой половины XIX
века. 42. Бессмыслица, чушь. 43. Племя сар-
матов, возглавлявшее на рубеже н.э. военно-
политический союз кочевников в Северном
Приазовье. 44. Степень родства. 46. Худож-
ник, «великий старец искусства XX века». 50.
Советская поэтесса. В детстве долго не гово-
рила и считает, что едва ли не первым ее
осмысленным словосочетанием была фраза
при виде тюльпана: «Я такого не видала
никогда». 51. Подделочный камень из полевых
шпатов. 52. Растение, чей корень в Америке
используют в народе как средство от укуса
змей. 53. Получение сложного химического
соединения из более простых. 54. Поэтиче-
ское название румянца на щеках.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Птица, прилет которой славили в Древ-
ней Греции и на Украине. 2. Коварный ход
шахматного коня. 3. Остров с лагуной. 4.
Садовое растение, клубни которого на юге
Африки едят. 5. Буква греческого алфавита.
6. Учреждение, где И. Крылов прослужил 30
лет. 8. Полный круг работ, заканчивающийся
готовой продукцией. 10. Нож для рубки са-
харного тростника. 12. Английский парный
балетный танец. 13. Начало спортивного
прыжка. 17. Денежная единица Японии. 19.
Всякий последователь немецкого философа,
которого С. Цвейг назвал самым свободным
из людей. 20. «Украинский Сократ». 24.
Французский скульптор. Немало его работ
в Лувре. 25. Болотное лакомство лесей. 26.

Один из Маршалловых островов. 27. Дальне-
восточный толень, чьи движения при опас-
ности напоминают прыжки. 31. Самое доступ-
ное средство останавливать мгновения. 32.
Экипаж, в котором И. Репин в 1863 году по
дороге в Петербург ехал из Москвы. 37. На-
род в СССР. Непременная часть мужской
национальной одежды — кожаный пояс. 38.
Кровельный материал. 40. Героиня «Светла-
ны» В. Жуковского. 41. Начинка «овощной
бомбы». 45. Изображение крылатого мальчи-
ка в искусстве итальянского Возрождения.
46. Одно из двух основных направлений в ис-
ламе. 47. Настланная на топком месте доро-
га. 48. Крупный польский текстильный центр.
49. Решительная атака.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Сляб. 6. Зебу. 9. Волхв. 13. Углан. 15.
Окол. 17. «Рено». 18. Лужа. 19. Дина. 21.
Перидот. 22. Ермаков. 23. Монархист. 24.
Склад. 27. Шишка. 29. ...агроном. 32. Эвсте-
ла. 33. Серебро. 34. Индия. 35. Кроха. 36.
Чечетка. 37. Эчмен. 39. Отрок. 41. Раскрой.
43. Флотбет. 45. Рикапёр. 48. ...манси. 51.
Полок. 52. Сентесимо. 54. Полиэдр. 56. «Ип-
полит». 59. Отец. 60. Овца. 61. Игла. 62. Нона.
63. Тиара. 64. «Ылдыз». 65. Троя. 66. Шарм.

По вертикали:

1. Сноп. 2. Явор. 3. Боливар. 4. Цветонос.
5. Мужество. 6. Задание. 7. Еник. 8. Удав. 10.
Хром. 11. Топаз. 12. «Плаха». 14. Гарт. 16.
Кепка. 20. Ножка. 25. Лугн. 26. Доницетти. 27.
Штурмтрап. 28. Шлях. 30. Меценат. 31. Ще-
бенка. 32. Эректор. 38. Челн. 40. Осел. 41.
...резерват. 42. Иирмилык. 43. Фагот. 44.
Юстиция. 46. Погоньш. 47. Робин. 49. Атлас.
50. Эсхил. 52. Сдор. 53. Опал. 54. Порт. 55.
Лето. 57. Лоза. 58. Тайм.

Пролетарии
всех стран,
соединитесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1500) НОЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Оформление
Владимира ЗАИЦЕВА
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

Сдано в набор 04.10.89.
Подписано к печати 17.10.89.
А 00385. Формат 70 × 108.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Усл. кр.-отт. 19.60. Уч.-изд. л. 10.26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1279
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического
воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
251-32-84 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Сергей МИКУЛИК

Он долго был дублером. Пожалуй, даже слишком долго. И к тому же не очень удачливым.

В 20 лет сорвался из родного Орджоникидзе в Москву, в «Спартак», учиться футболу у Дасаева с Бесковым и даже готов был отсидеть пару лет на скамейке запасных, чтобы потом... Что будет в точности потом, он в столице вслух сказать не решался, но другу детства, уезжая, шепнул, что если он не будет со временем первым, то тот может с ним больше не здороваться.

Но время, однако, шло, а мянущий себя мастером явно засиживался в подмастерьях. Конечно, Дасаев был Дасаевым, и чтобы мечтать отодвинуть его на вторые роли, требовалось обладать чем-то еще большим, нежели врожденная взрывная реакция и неумное желание трудиться. И прежде всего опытом, которого-то Черчесову как раз и негде было набираться.

Судьба подбрасывала ему время от времени шансы — либо Дасаев прибавлял, либо наш календарь всесоюзного первенства, часто несуразный, не давал возможности первому вратарю страны восстановиться после важных международных встреч. И тогда из дубля, как из окопа, выходил Черчесов и... пропускал голы. Неопытный, не сыгранный с защитниками, он все хотел взять на себя, он всякий раз был готов на

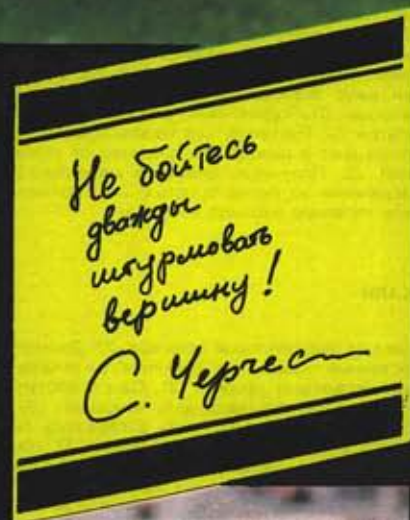

Фото Александра ФЕДОРОВА

подвиг, и этим умело пользовались те, кто неорганизованному героизму предпочитал порядок. Станислав, бывало, пропускал по три-четыре мяча за игру, а однажды, в Вильнюсе, вынул из сетки целых пять. Таким фиаско могли похвастаться немногие из самых закоренелых неудачников.

И когда второй вратарь «Спартака» оказался в канун прошлого первенства в составе «Локомотива», болельщики чемпиона не восприняли это как большую потерю для команды. Дасаев-то оставался, и какая в конце концов разница, кто будет «под ним». Уходили же и Бирюков, и Прудников, помастеровитее Черчесова вратари, и ничего, пережили ведь.

— За пять проведенных в «Спартаке» лет я ничего, кроме «спасибо», не могу сказать столько сделавшим для меня людям. Но я хотел играть, я чувствовал, что чему-то научился, но где это проявить? Я отнюдь не минер по натуре со своим южным темпераментом. И на тех редких играх, когда ставили в основной состав, сгорал в общем-то закономерно. Но как же я хотел, чтобы игр этих было больше...

В «Локомотиве» такую возможность ему предоставили. И выяснилось вдруг, что вспыхливый и импульсивный джигит может быть спокойным и уравновешенным. Что реакция у него никуда не ушла, а рабо-

тать он по-прежнему готов за троих. И что неберущихся мячей в общем-то нет: дело умеет платить добром за преданность.

А в «Спартаке» тем временем собрался в Испанию Дасаев. А в «Спартаке» не стало Бескова. Кому-то нужно было заполнять вакансии.

— В «Локомотиве» я встал на ноги. И никогда этого не забуду. Но, говорят, судьба иногда дает второй шанс. И когда меня вновь позвали в «Спартак», я согласился. Не потому, что место это долго высиживал, нет. Просто не в моих правилах отступать от вершины, если она не покорила с первого раза.

Он вполне отдавал себе отчет в том, кого ему предстояло заменить. Десять последних лет «Спартак» атаковал без оглядки на свои ворота — Дасаев сам гнал вперед партнеров. И перестраивать этот стиль никто не собирался. И половину этого, такого долгого по меркам быстротечной спортивной жизни срока Станислав спал и видел себя первым. Именно в этих воротах.

«Спартаку» многие предсказывали в этом году спад. Без Бескова, без Дасаева. А команда вдруг взлетела. В своем стиле — без оглядки на ворота. В них встал человек, который когда-то пообещал другу детства стать первым. На каждый матч он выходит, как на последний бой. И выигрывает его. Как? Приходите, увидите.